

**Игорь Владимирович Вардунас
Виктор Глумов
Дарья Зарубина
Юлия Зонис
Леонид Александрович Каганов
Алексей Верт
Наталья Федина
Олег Силин
Святослав Логинов
Александр Шакилов
Нина Цюрупа
Александр Геннадьевич Бачило
Лев Жаков
Мария Гинзбург
Алан Кайсанбекович Кубатиев
Максим Дмитриевич Хорсун
Антон Фарб
Николай Караев
Сергей Игнатьев
Игорь Минаков
Ника Батхен
Никита Аверин
**S.W.A.L.K.E.R. Конец света
отменяется! (сборник)
Серия «S.W.A.L.K.E.R.»****

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6571620

*S.W.A.L.K.E.R.: Конец света отменяется! : [Фантастические рассказы] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-082830-2*

Аннотация

Война – войной, а обед по расписанию! Пусть грянул катаклизм, пусть зомби восстали из могил, и Большая Белая Полярная Лиса пришла ко всем, но кушать-то хочется всегда! Мозги с горошком и без оного, ростбиф окровавленный, борщ... Или все-таки закусим человечинкой? В любом случае – конец света отменяется!

Любимыми – реальными и вымышленными – рецептами с читателями делятся лучшие современные фантасты обозримой Вселенной. Вкушайте пищу духовную и материальную. Приятного аппетита!

Содержание

Вступительное слово	5
Святослав Логинов	6
Ника Батхен	17
Юлия Зонис	31
Дарья Зарубина	38
Игорь Минаков, Максим Хорсун	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**S.W.A.L.K.E.R.: Конец света
отменяется! (сборник)
составители: Н. Аверин,
А. Фарб, Н. Цюрупа**

© Н. Аверин, А. Фарб, Н. Цюрупа, 2013

© Коллектив авторов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Вступительное слово

Прошлым летом приключился с составителями этого сборника отдых в Крыму. Условия были первобытные: палатки, крабы и прочие мидии, в общем, дары Черного моря. Слегка оголодав и порядком озверев, мы придумали сборник с рабочим названием «Кулинарная книга Апокалипсиса».

Идея была проста, как три копейки, и носилась в воздухе. Представьте себе: случился конец света, тот самый, к которому готовятся выживальщики. Руины, радиация... Но есть-то что-то надо! Надо вымачивать радиоактивных крыс, термически обрабатывать несвежие мозги зомби, чтобы убить вирус, а людоедам придется как-то изворачиваться, чтобы человечина приобрела вкус не антибиотиков, табака и спиртного, но изысканного стейка.

А если пойти чуть дальше в рассуждениях?

Что есть конец света? Только ли зомби, ядерная разруха, мутанты и упадок цивилизации? Или он – для каждого свой?

Кому-то для жизни достаточно вкусно поесть и немного выпить, а кто-то нуждается в пище духовной. Мы с вами, дорогие читатели, например, нуждаемся, не так ли? Получается, для нас конец света – конец культуры. Незнакомый мир, чуждые ценности – мы же с трудом выживем в нем, нам нечем будет «питаться».

Итак, конец света как стандартный сценарий, конец света – крах привычной культуры, конец света – личный кризис... Пища духовная и пища материальная. Их можно противопоставить, а можно слить воедино. А стало быть – конец света отменяется!

Авторы сборника рассматривают проблему с самых разных сторон. Под обложкой вы найдете как смешные, так и грустные рассказы, как изысканное «фуд-порно», так и философские размышления на тему. Есть даже одна поэма для истинных ценителей прекрасного, жадных до новых впечатлений.

Мы надеемся, уважаемые читатели, хоть немного утолить ваш голод. Ведь тиражи падают, фантастических журналов все меньше... Этот сборник вряд ли откроет новые имена – все авторы уже издавались и хорошо известны публике. Но что может быть лучше хорошего рассказа от проверенного и любимого писателя? Тем более, что эта книга – не прямое, но все-таки продолжение полюбившейся многим серии «S.W.A.L.K.E.R.».

В конце каждого рецепта приложен рецепт. Составители настоятельно рекомендуют отнестись к этому критически и не все пытаться готовить дома. С написанием части рецептов нам помогала Светлана Михальчук, за что мы ей очень благодарны.

А еще мы благодарны читателям за то, что вы существуете.

Приятного аппетита!

Н. Аверин, А. Фарб, Н. Цюрупа

Святослав Логинов

Хочется есть

Девушка напротив как заведенная жрала чипсы. Губы лоснились, колени, обтянутые ажурными колготками, были засыпаны крошками. Вот ведь дура, с такими окороками натянуть мини-юбку и черные колготки. А может, так и надо: живет в свое удовольствие, комплексов никаких, а ежели кто упрекнет, что фигура безобразная, отхамится в ответ или гордо скажет, что женщина без живота, что постель без подушки. Опять же, «мужики не собаки, на кости не бросаются»...

Девушка дожевала чипсы, без малейшего перерыва полезла в сумочку и вытащила пакетик кешью. Галя отвернулась, едва не скрипнув зубами от ненависти. Угораздило же так сесть: словно в зеркало смотришься. Только отражение расфуфырено, хуже панельной шлюхи, и жрет. А у Галины с самого утра, не переставая, сосет под ложечкой.

На завтрак было съедено зеленое яблоко и выпита чашечка зеленого чая. Без сахара, разумеется, чай с сахаром пьют только самоубийцы. На обед... ничего на обед не было. Не в кафешку же идти, где кроме пирожных и круассанов нифига не получишь. Девчонки из бухгалтерии в обед бегали в «Макдоналдс», так это еще хуже. Мало того, что вся Америка со своих гамбургеров ожирением страдает, так они и остальной мир травят без зазрения совести. Уж лучше голодным сидеть, чем их отраву лопать.

Обычно Галя брала с собой еще одно яблоко и пару хрустящих цельнозерновых хлебцев, у которых на упаковке написано, что энергетическая ценность не более 13 килокалорий. Какая же это ценность – это вредность! К тому же, сегодня Галя забыла свой «обед» дома. Так, наверное, и лежит на кухонном столе. Ну и ладно, разгрузочный день еще никому не вредил. Только есть охота до одури, а мерзавка, сидящая напротив, жует и жует. Орешки один за другим отправляются в рот и меланхолично пережевываются. У, коровища!

Увлечшись мысленными нападками на ничего не подозревавшую обжору, Галя едва не проехала свою остановку и выскочила из вагона за мгновение до того, как двери, зашпепев, захлопнулись. До дома от метро добиралась пешком, последнее время это вошло в привычку. На одной диете фигуру не поправишь, а полтора километра от метро до дома как раз составляют минимальную дистанцию, которую следует проходить ежедневно.

Дома, наконец, можно было поесть. Отдать ужин врагу, то есть утробе.

Последнее время Галю качнуло в сторону вегетарианства, и она была намерена выдержать такой образ жизни до конца месяца, хотя уже разочаровалась в чудодейственности безубойного питания. Жирное нефиг трескать и сладкое, а зеленело оно до того, как попасть в кастрюлю, или бегало – совершенно неважно. Совсем без жира, впрочем, тоже нельзя. Тертую морковь без сметаны уписывать, только брюхо пучить. Пользы ни малейшей, а раздует, что жабу по весне. Или супчик с пореем, для него нужно сливочное масло. Все куплено еще вчера и можно быстренько настрогать. Но сначала – на весы; зря, что ли, без обеда страдала...

– Вторая – сойдите, – привычно издевалась Галя над собой, становясь босыми ногами на давно купленный прибор.

Семьдесят восемь двести... Почти килограмм потерян. Только ведь это не настоящее похудание: один раз сорвешься с диеты – пиши пропало. Но, все-таки, семьдесят килограммов сумела разменять.

Галя полубрезгливо провела пальцами по целлюлитным бедрам и пошла на кухню, готовить супчик.

Большое яблоко очистить от кожицы, семечек и настругать некрупно. Полагается еще картошину, а лучше, две. Но картошку мы отринем с негодованием: диета для похудения и картошка – антагонисты. Зато возьмем один не слишком большой стебель порея и одну совсем маленькую головку репчатого лука. Порей нарежем поперек стебля, а репчатый лук – как придется, лишь бы мелко. Все это пассеровать на сливочном масле.

Услышав впервые этот рецепт, Галя ужаснулась и решила для себя, что уж масла она класть не будет. Тем более – пятьдесят граммов. Потом смирилась, только сократила количество враждебного продукта втрое. Мало ли, что невкусно получается, хороший повар – враг желудка. Торт со взбитыми сливками еще вкуснее, а Гале на него и взглянуть нельзя, иначе граница в восемьдесят килограммов будет оставлена не вверху, а внизу.

Галя представила себя не только с тугими целлюлитными боками, но и с обвисающим чревом, с двойным подбородком и губами, лоснящимися, как у пожирательницы чипсов, что встретила сегодня в метро. Хорошо иметь развитую фантазию, она помогает справиться со многими соблазнами.

Когда овощи будут запассерованы, залить их крутым кипятком, примерно – пол-литра. Последней кладется мелко нашинкованная белокочанная капуста. Главная тонкость в том, сколько класть капусты. Вбухаешь много – получатся щи. Положишь мало – супчик выйдет сиротский. Каждый кладет по вкусу, чтобы суп был такой густоты, чтобы есть приятно. И, конечно, посолить надо, совсем чуть-чуть. Соль в организме воду задерживает, а это прямой путь к ожирению.

Главная прелесть этого супа, что в него нельзя класть сметану. Исчезает кислинка яблок и тонкий аромат порея, и получаются вульгарные свежие щи с луком. Опять же, вред здоровью и призрак ожирения.

Супчик Галя разделила на две порции: завтра тоже захочется обедать. Подумала и от хрустящего хлебца отказалась. Мало ли, что тринадцать килокалорий, а мучным обжираться не следует.

Вместо второго было второе взвешивание. Семьдесят восемь пятьсот. Плохо, очень плохо. Так никогда не похудеешь. А если учесть, что перед сном полагается еще стакан обезжиренного кефира, то получится почти семьдесят девять кило.

Подруга Анька советовала завести молодого, темпераментного любовника:

– Уж он-то покоя не даст; каждую ночь будешь по два килограмма сбрасывать.

Одна беда, где его найти, темпераментного? Раньше за такими на Кавказ ездили, а теперь куда – в Бразилию?..

У Галины не было ни мужа, ни любовника, ни вообще никого. Кому она нужна, ветчина ходячая? Сбросить, ну, хотя бы килограмм десять, чтобы исчез второй подбородок, и жизнь может устроиться, а до той поры лучше и не мечтать.

А у чипсовой соседки из метро, небось, все в порядке. Нашла себе любителя жировых отложений и кайфует, ни о чем не думая. Таким всегда везет.

Помывши тарелку, Галя поскорей ушла в комнату, чтобы не дразнить себя видом холодильника. Не глядя в программу, включила телевизор. Просто ткнула в первую попавшуюся кнопку. Попала удачно: на рок-оперу «Оливер Твист». А то попала бы на какую-нибудь кулинарную передачу, так ничего, кроме расстройств, не было бы. Несколько минут Галина спокойно слушала, пока детский хор не начал исполнять зонг «Хочется есть!». Это уже было прямым издевательством судьбы. Галина вырубилась ящик, швырнула «лентяйку» на диван и принялась натягивать спортивный костюм.

Вот уж эту штуку ненавидела она всеми фибрами души! Спортивный наряд издевательски подчеркивал все недостатки Галининой фигуры. «Груша в трико» – так неудачливая спортсменка называла сама себя. Появиться в таком виде на улице было невероятно стыдно, но сейчас иного выхода не было. Стресс, вызванный хроническим недоеданием,

можно снять либо хронической жратвой, либо упорными занятиями физкультурой, причем, непременно на свежем воздухе.

Вернулась усталая, еще более недовольная и голодная. Впрочем, уже даже не голодная, чувство голода притупилось, практически исчезло, обратилось в ежеминутную раздражительность и злость на саму себя и свою пропащую жизнь. А есть... да и вовсе не хочется, можно обойтись и без ежевечернего стакана кефира. Хотя, конечно, надо, иначе можно сорваться в дистрофию. Прежде сама бы не поверила, что возможно страдать одновременно от ожирения и дистрофии. Однако такое возможно, и помнить об этом необходимо. Так что перед сном пьем что-нибудь кисломолочное, обогащенное полезной микрофлорой. Потом последний раз на весы (так и сохранилась на отметке семьдесят восемь пятьсот), и – в постель.

Но прежде подойти к окну и еще раз поплотней задернуть недавно купленные шторы, чтобы ни единый лучик с проспекта не проникал в спальню. Оттуда, из дома напротив, злобно дразнится световая реклама. Бегущие строки: «Север», а по сторонам пояснение для непонятливых: «Торты, пирожные».

Больше всего на свете Галя любила фруктовый торт и булочки со сливками. Сильнее всего не позволялись ей именно эти маленькие радости. Хочешь похудеть, забудь, чем пахнет торт. А тут еще диетолог, сволочь этакая, нет, чтобы запретить сладкое навечно и строго-настрога, заронил в душу страшный искус: «Если уж совсем не могу, то один кусочек торта можно. Но только один. Захочется второй – нет, ни в коем случае. Это уже хочет не организм, а разболтанная психика. Понятно?»

Еще бы не понятно... А ему понятно, что Гале каждую минуту не могу? А проклятая реклама «Торты, пирожные» ежевечерне заглядывает в окно, напоминая о нежных бисквитах, ромовой пропитке, песочном тесте, марципанах и облаках заварного крема...

«Чтобы быть прекрасной, надо страдать», – говорят бесчеловечные французы, и Галина страдала полной мерой, безо всякой надежды похорошеть. Поговорку эту обычно переводят: «Красота требует жертв»... – страшное дело, язык сам выворачивается и произносит: «Красота требует жрать». И ожирение – тоже требует жрать. В этом вопросе у них полный консенсус.

С такими мыслями Галя провалилась в голодный, злой сон.

И снилось ей, будто она почетный гость на каком-то банкете. Снились длинные ряды столов, накрытых снежными скатертями, салатницы, полные причудливых воплощений поварской фантазии, – не пошное оливье, а нечто небывалое. Блюда с нарезками, вазы, полные фруктов, и другие, точно такие же, с четвертушками сладкого перца, помидорками черри и длинными ломтиками свежего огурца.

– Я не ем, – твердила Галя, стараясь не приближаться к столам.

Налила фужер воды без газа, осторожно выбрала полоску болгарского перца. Теперь и приличия соблюдены, и диета выдержана. Перед кем соблюдать приличия, было не очень понятно; в зале никого не было, хотя играла музыка, причем не записи, а явно живая.

– Я на диете, мне этого нельзя, – последний раз повторила Галя и остановилась возле отдельно стоящего длинного стола. Это был едва ли не филиал шведского стола со сладкими блюдами, кофе и чаем. Вазы с выпечкой, менажница с бесконечным разнообразием джемов и варений, ряды чистых чашек, чашечек, тарелок и розеточек. Чайные ложечки, ждущие, когда их погрузят в шоколадный крем. Горы консервированных фруктов, нарезанная скибками дыня. Груши, персики и абрикосы – в самой поре; тронь, и брызнет сок. А в самом центре на преогромном подносе возвышался торт.

Конечно, в кинофильме по сказке Юрия Олеши торт был еще больше, но там был уже и не торт, а нечто архитектурно-художественное, отбивающее всякую мысль о еде. Этот торт манил и требовал, чтобы его коснулась лопатка кондитера, разложила по тарелкам. И тарелки рядом стояли – не десертные, а огромные блюда, на каких обычно подают мясное ассорти. Высоты в торте было сантиметров тридцать, а в длину и ширину он был больше метра. Здесь не было пошлых розочек из масляного крема, что на скорую руку взбивается из маргарина и зверски бьет по печени, не было дурацкого безе, пустого и приторно-сладкого, не было толстого слоя бисквита, напоминающего плохо пропеченную булку, что комом ложится в желудке, заставляя вспомнить о юношеском гастрите. Конечно, в торте были прослойки бисквита и песочного теста, переложенные нежнейшей пастилой. Пропитка... сразу можно было сказать, что ромовой эссенцией здесь и не пахло, пахла настоящим ромом, в должной пропорции разведенным сиропом и фруктовой водой. Наверху пышной шапкой кучились взбитые сливки, из которых задорно подмигивали раскиданные вишенки и черешня, полуутопленные ягодки малины и кусочки цукатов. Местами сливки отступали, возвращая законное место фруктовому желе. Ломтики киви и консервированной груши казались артефактами, впаянными в сладостный янтарь.

Галя судорожно сглотнула. Пройти мимо было решительно невозможно. Потом наступит расплата, но сейчас... Вспомнились слова доброго доктора: «Если совсем невогготу, то один кусочек можно. Но только один. Второй – ни в коем случае...»

– Один... – бессвязно шептала Галя, придвигая тарелку и зажав побелевшими пальцами кондитерскую лопаточку. – Только один... Кусочек... Один – можно.

Зацепить хотелось все, чтобы каждая часть небывалого торта попала на тарелку. Но так, чтобы это был один кусочек, ни в коем случае не больше. Всего один, но самый лучший.

Кусочек получился килограмма на четыре. Подцепить его на лопатку было невозможно, и Галя аккуратно сдвинула кондитерского монстра на подставленное блюдо. Расположилась за ближайшим столом, налила чашку чая, после секундного колебания взяла десертную ложку.

Четырехкилограммовый кусочек съелся до обидного быстро. Миг острого счастья, и вот уже ничего нет. Галя скоблила ложкой по опустевшей тарелке и ругательски ругала себя за то, что поскромничала и взяла слишком маленький кусок. А второго не возьмешь, доктор не велел.

С этим горьким воспоминанием о несъеденном торте Галя и проснулась.

* * *

За окном серел близящийся рассвет, справа под ребрами тупо ныло.

Можно было еще поваляться минут пять, но Галина поднялась и привычно направилась к весам. Она даже не убирала их под шкаф, где весы жили когда-то. Теперь неподкупный контролер веса постоянно дежурил посреди комнаты. А на столе неподалеку лежала тетрадка, в которую с некоторого времени записывались результаты измерений. Хотя, чего там записывать: и без того отлично помнится, что с вечера было семьдесят восемь с половиной килограммов.

Сбросив с себя все, чтобы даже ночнушка не плюсовалась к чистому весу, Галя встала на весы. Проклятый безмен подумал самое мгновение и выкинул цифру: семьдесят два килограмма двести граммов. Ночной торт весил не четыре кило, а всего три семьсот.

С неожиданной злобой Галина принялась лупить себя по тугому животу, который вновь подстроил ей такую подлянку. Как? Когда? Дома ничего нет, ни крошки... Не могла она встать среди ночи, вернее, вставать которую ночь подряд и уписывать гигантские порции

разносолов, что виделись ей во сне. Но весы с неумолимостью точного прибора утверждали, что за ночь Галина прибавила больше трех с половиной килограммов.

Как была, голышом Галина подошла к окну, отдернула портьеру. Вывеска кондитерского магазина подмигивала во все свои пять букв.

Она, она во всем виновата! Гипнотизирует по ночам, так что свет проникает через любые занавески, заставляет вставать с постели и сомнамбулически шагать в кондитерскую за тортами и пирожными. И неважно, что с утра будет болеть печень, а тучная одышка не даст жить, главное, что подлый магазин исполнит свое предназначение.

Галина представила, как она поджигает фирменный магазин, как плавится и течет шоколад, пузырится карамель, как обугливаются печенье и сладкие коврижки, оседают торты. Потом в помраченную голову пришли первые трезвые мысли. Прежде всего, кондитерские магазины по ночам не работают, и купить среди ночи четырехкилограммовый торт было бы затруднительно. Да и откуда взять столько денег?

Заглянула в шкатулку с деньгами и в кошелек, в котором таскала небольшую сумму на насущные расходы. Вроде как убыли незаметно... Может быть, она, как лунатик, пробралась в запертый магазин и сожрала все, что хранилось в холодильниках? Не обязательно кондитерский, не обязательно торт, главное, чтобы это был продуктовый магазин. Или даже не магазин, а просто кто-то из соседей закупил всяких вкусностей для семейного торжества. А она прокралась ночью в чужой дом и все съела. И теперь ее ищет милиция. Снимают отпечатки пальцев, оставленных на кастрюлях, вызывают сыскную собаку, которая приведет следователей прямо к ее дверям. Сейчас грянет звонок, войдут милиционеры, а она стоит, в чем мать родила, и пузо набито краденой едой!

Галя кинулась одеваться и только потом разрыдалась, обиженно всхлипывая и не утирая слез. Еще не успокоившись толком, заперлась в туалете, где долго и безрезультатно тужилась, стараясь изгнать из чрева приснившийся торт. Потом приняла душ и, хочешь – не хочешь, взялась завтракать.

Зеленое яблоко и чашечку каркаде. А то, если каждое утро съедать по зеленому яблоку, запивая зеленым чаем, то и самому позеленеть недолго.

Желудок уже сохся, и даже яблоко его не радовало. Одно непонятно, откуда, в таком случае, берется избыточный вес? Ожирение второй степени, это каждый терапевт подтвердит.

А потом пришлось идти на службу. Каковы бы ни были неприятности, как бы ни поднимался вес, на службу надо ходить все равно.

* * *

Галина работала инспектором отдела кадров. Собственно говоря, после недавних сокращений, она работала всем отделом сразу: и за начальника, и за подчиненных. Кабинет ее находился рядом с бухгалтерией, а с другой стороны располагалась комнатенка инженера по технике безопасности, которого, несмотря на горячее желание администрации, так и не удалось сократить во время внутривозвратских пертурбаций. Отдел кадров и технику безопасности просто-напросто закинули в коридорчик, прежде нацело принадлежавший бухгалтерии.

Самое милое дело, работать, не будучи ни от кого зависимым. Начальство над тобой – один директор, а подчиненных и вовсе нет. Галина была бы счастлива, если бы не мысли о делах домашних. А тут еще у главбуха – юбилей, да не абы какой, а пятьдесят пять лет. На пенсию Клара Михайловна не собиралась, но все же, для работающей женщины это возраст знаменательный, и на праздничный чай был приглашен не только весь отдел, но и соседи по коридору.

Не прийти – нельзя, прийти – себя не любить... Галя повздохала и, спрятав обеденное яблоко, отправилась на банкет. Вот ведь, сон в руку! Что-что, а торт у соседней наверняка куплен, и отбояриться от него будет трудненько.

Так все и случилось, и даже малость хуже. Клара Михайловна, прозванная за малый рост и по созвучию с известной чистоговоркой Карлой Михайловной, оказалась отличной поварихой и пошла непроторенными путями, притащив для угощения своих «девочек» не купленные в ближайшем магазинчике мясные деликатесы, а плоды собственного труда. Вроде бы название одинаковое: буженина, но даже самый запах доказывает, что буженина покупная и та, что изготовлена Карлушей, вещи совершенно различные. Мимо продажных шеек и ветчин Галя каждый день проходила совершенно равнодушно. Скользила взглядом, словно по пластиковым муляжам, и шла покупать яблоки и кефир. А тут... отвыкший от полноценного питания желудок разом выделил такое количество сока, что сам едва не захлебнулся. А говяжьих рулетиков с луком... ах, какие рулетики!

У бухгалтеров, понимающих толк в хозяйстве, в отделе имелась купленная на профсоюзные деньги микроволновка, так что «горячее» в самом деле было горячим и благоухало на весь этаж.

– Какая прелесть! – говорила расчетчица Зина. – Просто тает во рту! Это из вырезки делали?

Карлуша Махаловна (за спиной величали ее и так) отмахивалась полной рукой и снисходительно усмехалась:

– Это подбедерок, Зиночка. Там самое ароматное, самое лучшее мясо. Главное, готовить как следует.

– Но ведь подбедерок жесткий! – ужасалась совсем молоденькая сотрудница. – Я однажды взяла, так вместо отбивной такая подошва получилась... выбросить пришлось!

– Подбедерок на студень хорошо, – вставил кто-то из старших.

– К тому же, подбедерок и подешевле будет других частей, – вернула разговор в прежнее русло Клара Михайловна. – Его надо оттаять, от пленочек очистить и резать поперек волокон не слишком толсто, кусками, примерно, по сантиметру. А потом отбить, как следует. Это самое трудное, отбить так, чтобы и жестко не было, и в кашу не раздробить. Потом присолить с одной стороны, пряностей всяких добавить...

– Каких? – быстро спросила Зиночка, нашаривая на столе ручку и листок бумаги, чтобы записывать рецепт.

– А какие больше нравятся. Я беру десяток черных перчинок, пяток душистого перца, гвоздики три или четыре бутона, немножко кориандра и горчичного семени. Все это толку в ступочке; у меня ступка есть старинная – а потом пересыпаю в солонку. Так у меня две солонки и стоят во время готовки: в одной соль, а в другой толченые пряности.

– А зачем перец толочь, можно же прямо молотый взять?

– Нет уж, милочка, кто знает, что в этом перце намолото... К тому же, он, небось, выдохся еще в позапрошлой пятилетке. Свеженький лучше. Еще отломить кусочек лаврового листика, совсем маленький, чтобы он и на зуб не заметен был, а еще маленький ломтик чеснока. А потом скрутить рулетик, чтобы все пряности внутри оказались. А то аромат потеряется, а это уже не дело.

Галя сидела с краешку, держа двумя пальцами чашку пустого чая. Кулинарный разговор безмерно тяготил ее, но нельзя же встать и уйти. И она продолжала слушать.

– Луку надо взять много, – разливалась соловьем главбух. – Режем так, чтобы не очень мелко. Если луковицы маленькие, то полукольцами, а крупные – полукольцо можно и расположить и на четыре части разрезать. Сами видите, чтобы кусочки были сантиметра по два длиной. Мельче – пюре получится, а крупнее – кому интересно куски лука жевать. Лук

кладем на дно утятницы или латки. Кастрюлю лучше не брать, а то подгореть может. Тоже немножко подсолить и щепоть молотого мускатного ореха. Я и его целыми орешками покупаю, а потом на терке тру, сколько нужно. А сверху на лук укладываем наши рулетики...

– Воды сколько? – спросила суровая бухгалтер Инга.

– Ни каплюшечки! И масла – ни граммульки! Ставим на маленький огонек – и все. А дальше сок из лука сам выделяться будет. А воды добавите – лук сварится. Очень вкусно, вареный лук! Нет, поставили на конфорку, газ прикрутили, и пусть тушится. А что получается – сами видите.

– Долго тушится? – спросила Галя, чтобы поддержать беседу.

– Час-полтора... Да вы, Галочка, попробуйте! Мясо постное, жира я не добавляю. Моя кухня фигуру не испортит.

Вытащенные из микроволновки рулетики исходили искусительным паром. Только в такие моменты и понимаешь истинное значение слова «искусительный». Так хочется откусить хоть немножечко, но нельзя. Из вежливости Галина зацепила капельку лука. Вкусно до одурения! И, вроде бы, можно... Лук вещь безобидная, и мясо должно быть нежирным – откуда жир на подбедерке?

– Мяса, мяса берите! – потчевала Карла.

– Нельзя! – спохватилась Галина. – Я на безбуйном питании до конца месяца.

– Если нельзя, но очень хочется, – нравоучительно произнесла Зина, – то можно. Главное, чтобы никто не узнал...

* * *

Страшное дело – работать в бабском коллективе! Домой Галя приплелась хуже избитой.

Доела вчерашний супчик, а перед сном кефира стакан выпила. Уже не хотелось ничего, но знала, что надо. А то ведь часто бывает, что неумные дурочки, стараясь похудеть, доводят себя до тяжелых болезней и едва ли не до смерти. Нет уж, худеть – худей, а дело разумей.

Вечером записала в тетрадку: 81,600. Еще один мучительный день позади, а вес растет неудержимо.

Очень страшно было лечь в постель. Приснится новый обжорный сон, и что тогда?

Уже взвесившись и надевши ночную рубашку, Галина приволокла из ванной большой таз, плеснула на дно воды и высыпала две формочки льда, приготовленного в морозилке. Теперь, если она и впрямь бродит ночью лунатиком, то, ступив босыми ногами в холодную воду, она проснется. Во всяком случае, такое представление о лунатиках вынесла Галя едва ли не с детских лет из бесед с подружками обо всяких небывальщинах и загробных ужасах. Хорошо бы еще рассыпать по полу коробочку канцелярских кнопок, но Галя не без оснований полагала, что забудет о них и наступит босой ногой безо всякого лунатизма.

Засыпая, Галя размышляла, а что случится, если, вставая, во сне или поутру, она наступит мимо таза или, хуже того, на край и разольет всю воду. Воды в тазу немного, так что соседей не затопит, но все равно – неприятно. Но, если вода разольется среди ночи, станет ли сомнамбула вытирать пол? Вряд ли...

...Оказалось, что братья за тряпку новоявленная лунатичка и не думает. Вода залила комнату почти до колена, острые льдинки и плавающие кнопки щекотно покалывали лодыжки, но Галя не обращала ни малейшего внимания на эти мелкие неудобства. И вообще, какие неудобства? – так ходить даже приятно.

Галя распахнула окно, встала на подоконник, опасно изогнувшись над девятиэтажной бездной, дотянулась до провода, натянутого поперек проспекта, ступила на него. Внизу с

шуршанием пролетали машины, что, неведомо зачем, круглые сутки колесят по городу. Шел запоздалый прохожий. В доме напротив светилась пара бессонных окон. Но никто не смотрел вверх, где по натянутой струне женщина в белой ночной рубашке пересекала пропасть проспекта.

Пройдя весь путь, Галя легко соскочила на подоконник чужой квартиры, распахнула окно и проникла внутрь. Вот оно, как это делалось в предыдущие ночи! Кто же станет навешивать замки на окна девятого этажа!

Тугой провод безошибочно привел Галю к кухонному окну. Оно и понятно, нехорошо влезать посреди ночи в чужую спальню. Кухня, это совсем иное дело. Когда хочется кушать, надо идти на кухню.

В этой квартире проживала главбух Карлуша Махаловна, поэтому на кухне рядом стояли четыре чугунных эмалированных гусятницы, полные говяжьих рулетиков, которых с вечера так и не удалось отведать. Одна гусятница, всполошно захлопав крышкой, заготовала и вылетела в форточку, но три остальных сдались без боя.

Галя руками, пачкаясь в луковой подливке, хватала рулетики и один за другим отправляла в рот. Мясо, как и было обещано, само таяло на языке, наполняя все Галино существо неземным блаженством.

Удивительно быстро все три гусятницы опустели. Галя провела пальцем по эмалированной стенке, слизнула последние остаточки соуса и задумалась. Ведь есть еще четвертая посуда, что так резво сбежала в форточку. А лететь ей некуда, кроме как в Галину квартиру. На улице зима, все окна закрыты. Значит, беглянку вполне можно поймать.

Галя вспрыгнула на подоконник, ступила на проволоку, отлепилась от стены и, сделав пару шагов, поняла, что не дойдет. Набитое рулетами пузо неудержимо тянуло вниз. Провод вывернулся из под ослабевшей ноги, но Галя успела ухватиться за шершавую твердость металла и повисла над дорогой, по которой продолжали проноситься бездушные машины. Почему-то их стало очень много. Зримо представилось, как неудачливая акробатка падает на мостовую, а машины одна за другой наезжают на упавшую, превращая тело в хорошо отбитый рулет. Ладони, перемазанные жиром, скользили, пальцы разжимались сами собой. Пару секунд, достаточные, чтобы ужаснуться случившемуся, Галя сопротивлялась, а затем камнем полетела вниз. Последней мыслью было: «И ведь не одета, в одной ночнухе...»

Вот так люди и гибнут от чревоугодия.

Галя проснулась прежде удара об асфальт. Лежала, усмиряя дыхание, постепенно осознавала, что жива. Потом села на постели и обеими ногами вляпалась в воду. Лед давно растаял, но вода все равно показалась очень холодной.

– У!.. – Галина пихнула проклятую посудину. Таз накренился, вода плеснула на пол. Скользя по мокрому паркету, Галина побежала за тряпкой, но по дороге остановилась у весов и, стащив ночную сорочку, принялась взвешиваться.

Восемьдесят три килограмма девятьсот граммов. Прибавка в весе – два триста.

Постанывая и всхлипывая, Галя терла тряпкой пол. За что ей такое, а? Все люди как люди, и только ей такое наказание...

Подошла к окну, отдернула портьеру. Конечно, никакого провода нет и никогда не было. Кому нужен провод на высоте девятого этажа? И Клара Михайловна наверняка живет в каком-то другом месте. Будь иначе, встречались бы возле дома хотя бы изредка. Надо будет на работе поглядеть ее личное дело, там есть адрес.

Время было еще раннее, вполне можно успеть сделать утреннюю гимнастику. Галя даже встала в позицию – руки в стороны, ноги на ширине плеч, но потом обреченно сникла и поплелась в ванную. Что толку в приседаниях и наклонах? Пробовала уже, не помогает. Ну,

сбросит она за день полкило, а за ночь наберет впятеро. И, главное, совершенно непонятно, отчего.

Еще во время первого приема диетолог авторитетно объявил: «Все ваши проблемы от излишнего веса. Сбросите вес, и проблемы исчезнут сами собой».

С тех пор не раз Галина представляла, как она распахивает окно, натужно переползает подоконник и сбрасывает свой вес с девятого этажа. После столь радикального поступка все проблемы и впрямь исчезнут сами собой. Вот только после сегодняшнего сна самоубийственный каламбур совершенно не грел душу.

Зеленое яблоко и чашечка матэ, которое, как врет реклама, способствует похуданию. Впихнуться в костюм, недавно перешитый, но уже тесный. Отправиться на службу: сначала пешком до метро, потом подземкой...

* * *

В бухгалтерии доедали вчерашний торт и именинные пироги. По счастью, Галину звали не слишком настойчиво, и она сумела никуда не пойти. Сидела, оформляла пенсионные дела. Схрумкала яблоко и похрустела диетическим хлебом. Избыв рабочий день, поехала домой. В метро не обошлось без плевков судьбы. У пигалицы в наушниках, сидевшей рядом, певец Макаревич так громко изъяснялся в любви к макаронам, что слышно было даже во время движения. Она-то как терпит? Ведь ей прямо в ухо орет: «Полейте их томатом, посыпьте тертым сыром!..» Галя, как могла, отодвигалась от нежданной меломанки, а получилось, что она прижимается к мужику, сидевшему с другой стороны. И, разумеется, он немедленно принялся знакомиться. Приставал самым дурацким образом: сообщил, что его зовут Сергеем, что зарабатывает он хорошо, но страдает от одиночества. Выпытывал, как ее зовут, объявил, что уж он-то видит, что она не замужем, что такая нежная и удивительная женщина впервые встретилась на его пути. А потом, кретин, пригласил Галю в кафе. Тут Галину сорвало с нарезки, и она выдала несостоявшемуся ухажеру по полной. Приласкала так нежно и удивительно, что бедняга выскочил на первой же остановке и пересел в другой вагон. А судьба, видимо удовлетворившись сделанной гадостью, на время отступила, оставив Галину в покое. Во всяком случае, остаток вечера Галя провела перед телевизором, бездумно созерцая любовную мелодраму, которую включила, с ходу попав на нежнейший поцелуй и страстные объятия воркующей парочки. Во всяком случае, они ничего не трескали, и это уже было хорошо.

Размякнув сердцем, Галя вспоминала попутчика, с которым отказалась знакомиться. А ведь ничего был дядька, во всяком случае, не слишком потасканный. Зря она его так. Двадцатилетнего принца, что ли, ждет? Все принцы давно на Багамах. А этот, во всяком случае, не врал: не представлялся режиссером или инвестором. К Зинке из бухгалтерии один такой подкатился: «Я, говорит, работаю инвестором».

Перед сном даже взвешиваться не хотела, но порядок есть порядок, а у работников отдела кадров эта максима живет в крови. Весы сообщили результат: восемьдесят три триста. От шестисот граммов удалось избавиться.

Что-то приснится ночью. Каков вес будет с утра...

Ночью приснился Сергей. Причем, Галя сама не могла сказать, то ли это Сергей, что подкатывал к ней в метро, то ли совсем другой, но тоже Сергей, что был в ее жизни когда-то, во времена молодости и надежд на настоящую жизнь. Поди разберись среди ночи, под чьей рукой скрипнула дверь, кто вошел, неслышно ступая, невидимый во тьме загороженной портьерами комнаты.

– Сереженька, ты?

– Я, родная...

Руки, губы, тело... да, конечно, это был Сережа. Который? А не все ли равно?.. В запретной сласти важно одно: это ее Сережа.

Не было еще в Галиной жизни такой нежной, мучительной и сладкой ночи. И, проснувшись, Галя долго лежала в истоме, не слишком понимая, было это с ней или пригрезилось в полубреду.

Потом вдруг вспомнился совет Аньки, единственной подруги со школьных времен: завести молодого и темпераментного любовника. Уж тогда ночью будет не до тортов... А ведь и впрямь, этой ночью было не до тортов, вся ненасытность обратилась на другое, чего Галя была лишена за последние годы. Но уж зато и сладко было!

Неохотно и очень медленно Галя поднялась из постели. Сегодня суббота, не нужно куда идти, а можно не торопясь просмаковать чудесный сон. Томно потянулась, не торопясь направилась в ванную. По дороге споткнулась о напольные весы, разлегшиеся посреди комнаты. Мазнула взглядом по последней записи в тетрадке: восемьдесят три триста... Презрительно усмехнулась, встала на весы. Сегодня ночью обжираться не приходилось, иные радости оказались привлекательней.

Электронные весы работают беззвучно, но на этот раз почудилось, будто они закричали под ногами. Девяносто пять килограммов, без малого шесть пудов.

Только теперь Галя осознала, что усталость в теле не от бурных ночных радостей, а от неподъемной тяжести раздутой туши. Подошла к зеркалу, и оттуда на нее взглянула раздутая физиономия в складчатом воротнике двойного подбородка. Слоновьи ноги в жировых бугорках, свисающий живот, складки сала там, где у нормальных женщин находится талия.

Зачем-то Галя зашла в ванную, потом на кухню. Выглянула в окно. Вывеска «Севера» продолжала играть переливами света, хотя утреннее солнце изрядно притушило рекламные отблески.

Галя криво усмехнулась и пошла одеваться, словно собиралась на работу. Взяла сумочку, вернулась на кухню. Плита в доме была электрическая, но все же в ящике кухонного стола, на случай перебоев с электричеством, хранились спички и свечи. Коробок Галя положила в сумку вместе с кошельком. Вышла на улицу, привычно отсчитав ногами шестнадцать лестничных пролетов. Тяжело было идти, мучила одышка, но Галя ни разу не остановилась передохнуть. На улице аккуратно дошла до перехода и вернулась обратно по той стороне проспекта, к дверям фирменного магазина «Север».

Магазин только что открылся, но внутри не оказалось ни единого покупателя. Оно и понятно, по утрам в такие места никто не ходит.

Галя вошла, остановилась, тупо разглядывая витрину. Зачем-то ведь она сюда стремилась? И спички захватила...

Ряды тортов и пирожных: кремовых, фруктовых, заварных... Прежде такого изобилия в продаже не бывало. Единственный на весь город магазин «Север» по утрам брался штурмом. А теперь, вот оно, на-те... на погибель сладкоежкам.

Страшный, безысходный сон никак не кончался.

Продавщица, из молодых, профессионально приветливо улыбнулась Галине, выждала с полминуты, потом произнесла дежурную фразу:

– Они все свеженькие. Машину двадцать минут как разгрузили. Вчерашних тортов у нас не бывает. Выбрали что-нибудь?

– Вот этот, – сомнамбулически произнесла Галя, ткнув пальцем в сторону полуторакилограммового красавца. – И этот – тоже.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Худосочные гурмэ, гоняющие серебряной вилочкой по блюдцу севрского фарфора изящно почищенную морковинку, не имеют

никакого отношения к великому искусству чревоугодия. Гурманы ближе подошли к постижению идеала, но их убивает сложность рецептов, многокомпонентные соусы, редкостные специи и невиданная точность приготовления, от которой зачастую зависит результат.

Истинный шедевр всегда готовится просто, в один прием. Еды должно быть много, очень много, чтобы можно было отвалиться от стола, сыто отдуваясь и довольно цыкая зубом. И, конечно, настоящее пиршество никогда не происходит в одиночестве. Пировать в одиночку – кому такое в голову придет? Поэтому раскладка следующего блюда будет на две порции.

Идем в магазин и покупаем голень индейки – две штуки. Голени выбираем самые большие, так что вместе они тянут на два с половиной килограмма. Дома моем эти окорока и, не размораживая, укладываем в вилет в гусятницу. Чистим четыре самых больших головки чеснока (головки, а не зубчики!), бросаем поверх индейки. Чистим два килограмма картошки, крупные картофелины разрезаем пополам и укладываем туда же. Солим, если угодно, посыпаем какой-либо зеленью, плотно закрываем крышкой и ставим в сильно разогретую духовку, где и оставляем на два часа. Главное – ни единой капли воды или масла. Ничего чужеродного, все только свое. Через два часа, когда картошка слегка подрумянится, а индейка станет мягкой, вытаскиваем гусятницу из духовки, ждем, пока индейка остынет настолько, что в нее можно будет вонзить зубы, не рискуя спалить язык, и приступаем к трапезе. Правой рукой берем за кость голень и откусываем от нее помногу.левой поочередно хватаем печеные картофелины или стакан с красным вином. Я рекомендую «Вье пап», но ежели у вас нет настоящих гасконских вин, то сойдет и кьянти. Да, еще будет нужна ложка, можно чайная, чтобы время от времени вытаскивать и отправлять в рот зубчики печеного чеснока.

Остальное всякий оценит сам.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Ника Батхен

Детское время

Тощий дроид, шатаясь, бродил по пустому кафе. В окна дула метель, сквозь разбитые стекла нанесло снега, не осталось ни одного целого столика и ни крошки съестного – что не растащили люди, подобрало питерское зверье. «Яблочко» у бедолаги должно было разрядиться с год назад, но, похоже, дроиду перепадала кой-какая органика. Сим-Симыч поморщился. Хорошо, если выродок кибертехники ел деревяшки, крыс или дохлых кошек – случалось и с трупов состреливать дураков. В дроидов – переносчиков чумки кэп не верил, но оставшиеся без хозяев, дезориентированные биомеханизмы зверели. Могли и напасть.

На ствол скорострела, показавшийся из пролома, дроид не среагировал. Он лавировал между столиками, наклонялся к каждому, по-лакейски изогнув спину, и что-то льстивое бормотал – не иначе, спрашивал: что угодно дамам и господам? Выстрел развернул нелепое тело к стойке, уронил на промерзший пол. Добывать бедолагу Сим-Симыч не стал – дроиды не чувствуют боли, а патроны нынче в цене.

Перешагнув через грязные зубья стекла, кэп вошел в кафе, осторожно присел на диванчик, когда-то бывший зеленым. Мальчишкой он любил забегать сюда по субботам с друзьями, угоститься разноцветным мороженым в старомодных креманках – дроидов еще не было, каждый сам нес от стойки покрытое испариной лакомство. Они медленно слизывали тающую вкуснятину с ложечек, болтали про космос, девочек и робототехнику, мечтали наперебой – кто кем станет. Не стали. Полного огней и витрин города Петрограда тоже не стало, и маленького кафе, и семьи.

В Чумной год погибла половина взрослых и все дети до семи лет. Старики выжили чаще и выздоравливали полностью, молодые сплошь и рядом оставались дергунами или дураками, уцелевшие малыши становились разносчиками заразы. Тех, кого пощадила болезнь, добила морозы, голод и радиация – поняв, что справиться с эпидемией невозможно, правительство сбросило бомбы на три очага. Границы областей окружили кордонами, нерассуждающие солдаты-дройды стреляли во всех, кто пытался пробраться наружу. Болтали, что защита помогла мало и в центральной России творится такой же ад. Величественное «говорит Москва» до сих пор раздавалось в эфире, но вещание велось из Новосибирска. От Европы вестей не слышали, Штаты изредка пробивались сквозь помехи. Уцелела одна Австралия – звонкий крик кукабарры каждое утро возвещал: «Мы живы». На Чапыгинской телевышке четыре часа в сутки работало «Радио Петроград», по утрам и вечерам в уцелевших квартирах люди собирались у радиоточек – и это было единственным, что объединяло горожан.

Самому Сим-Симычу хорошо повезло, он заболел одним из первых, когда еще работали больницы, были врачи и лекарства. И отделался легко – тиком на правой щеке. Жену Машу сбила машина во время бегства, сын был с ней – это тоже оказалось удачей. Когда блокада замкнулась, бригады стали отстреливать калек, больных, детей, а заодно и отцов, которые пробовали защитить семьи.

Умереть от голода кэп не боялся – катер «Пушкин», когда-то игрушка для туристов, оказался спасением Сим-Симыча и его разношерстной команды. Речной транспорт остался единственным транспортом в городе, на катерах и лодках по каналам перевозили грузы, товары и немногих безрассудных пассажиров. Претендентов на плавсредства тоже хватало, но до сих пор команда отбивалась успешно. С «яблочками» было сложнее – уцелевшие запасы аккумуляторов подходили к концу, поговаривали, что через пару лет всем придется

перестраивать моторы под топки. Но пока что катера плавали, радио бормотало, а по Невскому пару раз в день проезжали уцелевшие наномобили. Жизнь тянулась своим чередом.

На зиму катер пришвартовался у Петропавловки. Под охраной съезжинских братков можно было не беспокоиться, что какой-нибудь шустрый воришка снимет стекла, открутит ручки или вытащит «яблочко» из гнезда. Стоять в Гавани выходило дешевле, но василеостровские пацаны были в доле с портовыми, тамошние суда грабили, а случалось, и угоняли. Пока держался лед, команда промышляла кто где – механик Муха перебирал моторы и чинил уцелевшую технику, силач Илья разгребал завалы, Тим и Серый охраняли торговков на Сытном рынке, бывший ветеринар Шурик подрабатывал квартальным врачом, брался даже за операции – никого лучше от Зоопарка до Большого проспекта не выжило.

Сам Сим-Симыч мог бы, свесив ноги, всю зиму сидеть на сундуке – бывшая коммуналка, где поселилась команда, принадлежала ему, катер тоже, артель выбрала его старостой и отстегивала двойную долю от общака. Но он знал, как легко от безделья пропадает охота жить, как просто ослабеть, потерять власть, имущество, а следом и сдохнуть в одиночестве, как перемерли друзья и соседи. Поэтому кэп ходил на промысел – обшаривал дальние, заброшенные кварталы, искал «яблочки», инструменты, уцелевшую технику. Действовал осторожно, чтобы не попасть на глаза бригадам, выбирал старые заводы, пустые дома, гаражи. Сама жизнь уже четыре года потеряла для него смысл, но умирать просто так Сим-Симычу казалось расточительной глупостью. В загробную жизнь он не верил.

* * *

От Крестовского острова до Съезжинской пехать порядочно – через парк, вдоль проспекта, огибая фонащую воронку бывшего стадиона. Над головой круглилось черное, полное колючих звезд небо – городской свет больше не мешал им. Холод усилился, Сим-Симыч успел замерзнуть, на чем свет браня ветхий полушубок. Проход через Крестовский мост стоил горсть табака, соли, луковицу или патрон – тролли устроились хорошо и плевать хотели на возмущение горожан. На Большом проспекте по тротуарам бугрились сугробы, посреди улицы серела протоптанная десятками ног тропка. У приземистого, похожего на склеп кинотеатра «Молния» толпился народ, вывеска тускло мерцала – не иначе старик Гургенов починил аппарат. Наморщив лоб, Сим-Симыч попробовал вспомнить, когда он в последний раз видел фильм, – и не вспомнил. Сходить, что ли? Суета это все, Семен.

Окна квартиры едва светились. По молчаливому уговору, энергию сэкономили, обходясь для бытовых нужд лучиной или коптилками. Оглядевшись – не привязались ли чужаки, – Сим-Симыч нажал код, поднялся на пятый этаж, задыхаясь от крутизны черной лестницы, и открыл дверь магнитным ключом. Силач Илья уже вернулся с работ. С ним была женщина.

От возмущения у кэпа не нашлось слов – приводить посторонних в дом запрещалось, и якшаться с бабами тоже. Где женщины – там ссоры, драки, лишние хлопоты. А потом она забрюхатеет, родит, потому что выкидыш устраивать некому, придет бригада, ликвидирует сосунка и всю честную компанию заодно. Позволить себе растить детей в изоляторах могли только крупные квартальные общины. Мужики из команды по нужде стучались к торговкам с Сытного – те охотно пособляли за небольшую плату. Но чтобы в дом?!

Насупленный Илья поманил командира в коридор.

– Она в подвале сидела, ребята откопали. Припас, вещички – все забрали, зашибить хотели.

– И зашибли бы, – мрачно отозвался Сим-Симыч. – Без жилья и припаса зиму не пережить, только мучиться будет зря.

– Жалко их, – вздохнул Илья. – Пропадут.

– Их? – взвился Сим-Симыч. – Сколько ты сюда баб приволок, дурень?

Илья помотал головой. По его виноватому лицу было видно – дело не в бабах. Сим-Симыч смягчился:

– Давай, колись! Кореша, что ли, встретил?

– Не-а. Сюзанну.

Эту, что ли, клячу Сюзанной зовут? Имя совершенно не подходило бледной, полуседой женщине.

Легкий, скачущий топоток раздался из кухни. Не веря своим ушам, Сим-Симыч шагнул туда. По несвежему линолеуму катился маленький красный мяч. А за ним прыгала девочка. Живая девочка, не старше трех лет. Белокурые кудри, голубые кукольные глаза, неумытые розовые щечки, пухлые ножки в желтых ботиночках, платье в цветочек с белым воротничком. Она беззвучно смеялась, пытаясь поймать мяч. Увидев чужого, малышка не испугалась. Подбежала, уставилась снизу вверх и – Сим-Симыч не успел среагировать – ухватила его за палец потной ладошкой.

– Дядя! При-вет!

...Иммунитет к чумке держится около года. Если девчонка заразна, это конец!

– Моя дочь здорова. Мы два года не выходили к людям, – спокойно, даже слишком спокойно произнесла женщина. – Вот, смотрите!

Перочинный ножик полоснул кожу запястья. На пол закапала чистая красная кровь. У больных она с первого дня становилась густой, почти черной.

– Вы переболели? Давно? – выпалил Сим-Симыч, лихорадочно вспоминая все, что помнил об эпидемии.

– С божьей помощью болезнь миновала нас, – глаза женщины вспыхнули.

– Если б бог помогал людям, он бы не выпустил ад на землю, – пробормотал Сим-Симыч и выругался, не стесняясь ребенка. – Убирайтесь отсюда, пока я вас не пристрелил.

– Мы погибнем, – сказала женщина.

– Это не мое дело!

За прошедшие годы кэп научился жестокости. Он убивал беспредельцев и психов, валил собак и ел их, выковыривал из черепов дроидов годные «яблочки». Выставлял из команды на верную смерть – за воровство, за драки, за бесполезность. Случалось и добивать безнадежных. Зачем щадить чужую бабу?

Притихшая девочка отпустила его руку. От ребенка пахло конфетами и сладким шампунем. С ума сойти – откуда сейчас шампунь? И хорошая такая малышка – ни капризов, ни слез... Нет, нельзя.

– Я кому сказал – убирайтесь!

Лицо женщины стало отчаянным, худые кулаки сжались:

– Я была старшим менеджером станции «Горьковская» и имела доступ ко всем служебным помещениям. У меня есть коды.

– Докажи!

– Дайте мне бумагу и ручку.

– Обойдешься, бумагу на тебя тратить. – Сим-Симыч протянул женщине обгорелую щепку лучины. Она отбросила назад длинные волосы, зажмурилась на секунду и уверенно стала рисовать на столешнице схему станции. Вестибюль, эскалаторы, платформа, депо, служебные помещения.

– Там, за вагонами, склад. Три ряда дверей – на служебке, в депо и на складе. Без кода вы его не возьмете, только гранатами. А взрывы повредят «яблочки» и оставшуюся там технику.

В задумчивости Сим-Симыч погладил щеку, унимая надоедливый тик: склад метро – это не один десяток, а то и не одна сотня «яблочек», по нынешним временам богатство.

– Думаете взять коды силой? – женщина засмеялась коротко и обидно. – Обману – мне терять нечего, а вас зажмет между дверями или смоет пожаркой. По-хорошему выгодней – вы получите «яблочки», мы останемся живы. Не хотите – уйдем. И, поверьте, найдем, кому предложить...

Насупленный Илья подвинулся ближе к женщине, большая рука дернулась – приобрести, – но так и не легла на угловатое плечо, обтянутое шерстяным свитером. Очевидно – уйдут они вместе.

– Зачем силой? Самые правильные решения – простые решения. Ментоскоп – и готово дело, все скажешь, что хочешь и что не хочешь.

Женщина слегка побледнела, заозиралась, прикидывая расстояние до дверей. Повинуясь безмолвному приказу, девочка подбежала к матери, ухватилась за подол.

– К сожалению, у нас такой техники нет, – как ни в чем не бывало продолжил Сим-Симыч. – Подожди, пусть решает команда.

Из мужиков первым явился Муха, на удивление трезвый. Узнав о ребенке, он среагировал моментально – и совсем не так, как ожидал кэп. Старый брюзга, брызжа слюной из перекошенного рта, заявил, что скорей сдохнет сам, трать-тарарать, чем отпустит на холодную улицу, так ее, малыша, что он, трампамам, мужик, а не крышка от гальюна, а чумкой два раза не болеют. Тим и Серый, синхронно пожав накачанными плечами, отнеслись к новости безразлично – «яблочки» годно, будет на чем катер гонять, лодочку прикупить, жратвы хорошей, выпивки старой, а не самогона с Малой Пушкарской. Здорово ли дите – пусть наш лепила решает. Если неладно что – тут же сами пристрелим. А на нет и суда нет.

Пухлый, улыбчивый Шурик потянулся к ребенку с искренним любопытством – вблизи видеть живых детей, родившихся после Чумного года, ему еще не доводилось. То и дело суетливо вздергивая непослушные рукава рубахи, он осмотрел малышку с ног до головы, помял живот, потрогал шею, попросил раскрыть рот и последить за пальцем. Белокурая Сюзанна подчинялась ветеринару безропотно, закашлялась, когда тот полез ложечкой в горло, но и здесь не заплакала. Когда ее отпустили – метнулась к матери, повисла на шее, крепко вцепившись ручками в свитер и спрятав лицо.

– Совершенно здоровый, спокойный, упитанный ребенок, – констатировал Шурик, намазывая над тазиком короткопалые руки. – По-хорошему бы сдать анализ крови, сделать рентген, но я ничего криминального не нахожу.

Мрачный Сим-Симыч поглядел на команду и сплюнул на пол, предчувствуя недоброе. Но решение было принято.

* * *

Женщину звали Галей, она оказалась неразговорчива, расторопна, услужлива и в то же время отстранена от всех. Единственное, что всерьез интересовало ее, зажигало весельем тусклые, желтоватые глаза, – девочка. Чтобы снизить риск заражения – мало ли кто что на ногах принесет, – им отгородили отдельную комнату с лоджией, мужики туда не входили, а Сюзанну не выпускали наружу. По вечерам, когда темнело, Галя открывала балконную дверь и выпускала малышку подышать свежим морозным воздухом, посмотреть на улицу.

Днем женщина хлопотала, как птичка, – перестирывала груды белья, яростно колотя рубахами и кальсонами по старинной стиральной доске, которую сама же приволокла с чердака, отмывала загаженные полы, возилась на кухне. Из консервов, затхлых круп, грубой муки, замороженных овощей, птиц и пойманной в Неве рыбы она творила нечто сногшибательное. Как дразнили аппетит поджаристые окуньки, золотистой грудой возвышаясь на блюде, как шипели на чугунной сковороде пышные, кисловатые ржаные лепешки, как буль-

кала и оглушительно пахла шурпа из голубей – кто б мог подумать, чертовски вкусно! Завтраки и обеды были у команды не в чести, но ежедневно в восемь вечера, по радио, мужики собирались вместе, неторопливо ели, слушали новости и скрипучую музыку с антикварных «пластов». Раньше кто-то неизменно запаздывал или отсутствовал, но стряпня новой жилички быстро приучила к порядку.

Через три дня, оставив девчущку под присмотром Ильи, Сим-Симыч, Серый и Галя пошли к метро через Александровский парк. Деревьев там почти не осталось – зима, мороз. В развалинах Зоопарка ухало и заунывно стонало – вырвавшиеся из клеток питомцы, по слухам, дали потомство, звероподобные дроиды тоже должны были уцелеть. Вот только любоваться на милых пушистиков никто особенно не спешил. К ржавым воротам стаскивали бесхозные и зараженные трупы, дохлых дроидов и прочую опасную дрянь – все исчезало за ночь. Мюзик-холл походил на обломанный клык, планетарий обвалился вовнутрь, театр все еще стоял, нависая мрачными стенами. Ветер гулял вдоль сугробов, забирался под одежду, дыхание стыло в воздухе. Вместо вестибюля Горьковской возвышался снежный холм, переходов было не отыскать. Стая ворон, облубовавшая синий купол мечети, поднялась в воздух и сделала круг над прохожими. Посерьезневшая Галя долго таскала мужиков за собой, рыла снег, всматривалась в темные пятна и, наконец, заявила, что отыскать вход под снегом она не в состоянии. Подходящий, казалось бы, повод взять ее вместе с чадом и отправить, откуда пришла. Но кэп не стал этого делать. Глянул на присмирившую женщину и махнул рукой – ждем весны.

...Прогулка по морозу не пошла Сим-Симычу впрок: он опять закашлял, задрожал всей щекой и неделю просидел дома, сам не заметив, что обосновался на кухне. Одиному капитану нравилось смотреть, как проворные женские руки соскребают чешую, выщипывают перышки, трудятся над тестом, тоненькими лохмотьями спускают бурую кожуру. Всего делов – сварить кастрюлю картошек, перемять с луком, добавить яичного порошка, ложку масла, обвалить в крупчатке, экономно, чтоб ни пылинки зря не пропало, – и в самый жар на сковороду. Пальчики оближешь!

В бабьем плане Галя Сим-Симыча не восхищала – худа, тощие ноги с большими ступнями, узкие бедра, жалкая грудь, тонкий рот, длинный нос, с хрящеватым подвижным кончиком. Она была хорошей теткой и золотой хозяйкой, истово создавала вокруг уют, но женского очарования ей судьба не отсыпала. А вот дочка ее, маленькая Сюзанна, как-то незаметно вползла в сердце. На душе теплело, когда из угловой комнаты слышался ее топот, неразборчивое бормотание, мурлыканье над игрушками или лакомствами.

Малышка вообще никогда не плакала, не ныла и не скулила, как часто бывает с детьми. Она просто была, играла, водила пальчиком по стеклу, разглядывала детские книжки, выменянные Мухой на пару щук и протертые (кто бы поверил!) самогоном для дезинфекции. Повеселевший Илья таскал любимице то яблоко, то луковку, то свежее куриное яйцо – где только отыскал? Он часами простаивал у открытой двери, показывая сосредоточенной девочке целые представления. Пару раз Сим-Симыч отгонял от себя дурную мысль – силач хочет охмурить тетку и в одиночку попользоваться складом «яблочек»... Нелепо – шансы выжить у одиночек мизерны.

Тим и Серый распилили полку от тумбочки и сделали дитю кубики – пусть балуется. Любопытный Шурик все пробовал рассмешить малышку, каждый день мерил ей температуру, приставал к матери с расспросами: когда, мол, малышка пошла, когда начала гулять, когда заговорила, не гуляла ли Галя по «горячим» районам, не болела ли во время беременности? Злой с похмелья Сим-Симыч допытывался у ветеринара, в чем дело – не урод ли какой малышка, не мутант ли? Кэп не верил, что радиация могла навредить кудрявому чуду, но мало ли – медицине виднее. Шурик шутил и отмалчивался.

...Своим чередом зима перевалила через хребет Нового года. Тридцать первого для ребенка поставили елочку, украсили чем под руку подвернулось, положили под ветки резную куклу и неуклюжую лошадку-качалку. Сим-Симыч не поскупился, подключил квартиру на целый день к «яблочку», в доме стало светло и тепло, заработала фильмотека, забегал по углам пыхтящий маленький пылесос. Увидев его, Сюзанна засмеялась. Галя – когда только успела – сделала всем подарки: кому носки, кому перчатки. Илье достался пушистый и толстый шарф; силач так краснел, обматывая сюрприз вокруг могучей шеи, что остальным ненадолго стало неловко. Но заминка прошла, и начался праздник.

Хитрый Шурик, как оказалось, пользовал от мочекаменной богача, хозяина единственного на Сытном рынке мясного прилавка – не лотков с собачатиной, крысами и кошками «под кролика», а витрины с говядиной, свиной и тощими синими курами. Поэтому на столе благоухали запеченные Галей прямо в коже свиные рульки и топорщили облитые жиром лапы две курицы в окружении целого моря искусно сквашенной с яблоками капусты, рассыпи картошки в мундирах и хрустких огурчиков. У Мухи оказалась припасена засоленная еще с осени лососина и пара копченых угрей. Тим и Серый достали две бутылки «прежнего» вина и бутылку водки на березовых почках. Илья приволок банку меда и земляничное варенье. Мужики балагурили, ели в три горла, похваливая хозяйку, пили умеренно, возглашали длинные тосты. За окнами постреливали, нестройно пели, из метронома бодро играло радио. То ли от вкусной пищи, то ли от светлых комнат на душе становилось по-новогоднему радостно и легко. Хмельной Муха подытожил общие мысли – он поднялся, покачиваясь, с минуту свистел и хлюпал, потом смирил судорогу:

– За будущее. За жизнь.

Мужики посмотрели на румяную, перепачканную медом Сюзанну, дремлющую на коленях у принаряженной Гали. И сдвинули стаканы.

* * *

В феврале-марте как всегда ожидали голода, и не ошиблись. Зимой подвоза почти не было: не многие фермеры решались гнать в Питер обозы с провизией в мороз и метель, мимо волков, бригад и одичавших дроидов. На улицах тарахтело короткими очередями, собаки валили и грызли запоздалых прохожих, охотники караулили и били собак, а на прилавках Сытного рынка появилась подозрительно дешевая парная свинина. Поглядев поутру на окровавленный снег во дворике, Сим-Симыч настрого запретил команде выходить на улицу поодиночке или без оружия, а Гале – выгуливать девочку на балконе. Бесшабашный Шурик решил, что его это не касается – кому надобно трогать врача? Пошел в соседний дом к припадочному, замешкался до темноты. Охотники вывели его до подъезда, подождали, пока раззява наберет код, дали Шурику по голове и вломились на черную лестницу. Дома была только Галя с дочкой. Оказалось, что тетка неплохо стреляет, – вернувшись, мужики оттащили к Зоопарку два трупа.

В конце марта Тим и Серый не поделили хабар с бармалеями – у бригады был самодельный гранатомет, они осадили подъезд. Сим-Симыч с мужиками отстреливались из окон, попеременно суля старшему бармалею виру за мировую и неприятности в случае продолжения огня. Уговорились на трех «яблочках» и трех четвертях самогона. Вернувшись с переговоров, кэп набил виновникам морды и на месяц урезал паек. После инцидента в сейфе осталось два целых «яблочка» и пять початых. Еле хватит начать сезон.

Гале никто ничего не объяснял, она сама подошла к Сим-Симычу. Попросила еще чуть-чуть подождать – грязь, мокреть, есть риск пльвунов. Незаметно пожав плечами, кэп не стал спорить – куда больше его интересовало, как «Пушкин» пережил зиму.

Едва у берега потемнел лед, Сим-Симыч метнулся в крепость и три дня подряд перебирал, драил и смазывал маслом плавающее сокровище. У него уже чесались руки выйти на реку, пронестись с ветерком вдоль набережных. Брызги в лицо, тихий рокот мотора, дрожь металла, хохочущие рожи мужиков, одурелые чайки разлетаются прочь – лепота!

День начала навигации для команды всегда был праздничным. Раньше «пушкинцы» звали на хату портовых, грузчиков, матросов с других катеров и до рассвета гуляли вволю. В этом году, посоветовавшись, решили сами завалиться в компанию – не стоит Сюзанку чужим показывать. Мужики все больше привязывались к потешной девчужке. Ворча в усы, Муха притащил ей первую мать-и-мачеху, Сью вставила золотистые цветы в кудри и с полчаса не могла оторваться от зеркала, любясь собой, – истая женщина. Неумный Илья где-то добыл беленького котенка, чтобы «дочке» было не так одиноко в детской, но звереныш через несколько дней исчез бесследно.

...Весна девяносто второго пришла поздно, но быстро – за считанные дни могучие сугробы превратились в ноздреватые грязные кучки, зазеленели газоны и чахлые огородики, разбитые в скверах, набухли смолистые тополиные почки. Граждане и гражданки потащили в кошелках неизменную серебристую корюшку, следом крались оголодавшие за зиму уличные коты. Воробьи на кустах орала как оглашенные, бродячие псы очумело носились по городу и грызлись между собой из-за сук. Тим явился домой с поцарапанной физиономией и долго лыбился, словно медаль получил. Хлопотливая Галя вопреки всем запретам выходила из дома в Александровский парк и всякий раз возвращалась с корзинкой травы – сныти, крапивы, одуванчиков, кислицы, щавеля. Она рубила зелень в мелкую крошку, солила, добавляла выращенный на окошке зеленый лучок, заливала душистым подсолнечным маслом и подавала с картошкой. Наскучившие сладковатые клубни обретаали совсем другой вкус, мужики уминали за обе щеки. У Мухи перестали кровоточить десны и опухать ноги, старик немного приободрился.

* * *

В середине апреля Галя сказала, что пора спускаться в метро. Земля подсохла, ночи стали короче, еще немного, и придется ждать до осени. Вентиляционные шахты у вестибюля наглухо завалило, в переходы соваться опасно, там потолок и стены держатся на соплях. Но за Мюзик-холлом, ближе к протоке, есть водосток с люком – если достать защиту, можно пройти в туннель.

Планирование и подготовку операции Сим-Симыч взял на себя. Достал карту, свечей, настоящий фонарь, резак с газовым баллоном, выменял на «яблочко» три костюма химзащиты, сам решил обойтись болотными сапогами, макинтошем и противогазом. Из НЗ вытащил две окаменевшие от старости шоколадки и некрупную фляжку золотистого коньяка.

– Выходим после вечернего радио. В туннель пойдут Тим, Серый, я и Галя. Шурик с Ильей патрулируют у «Стерегающего». Муха в резерве. Сигнал СОС – два одиночных выстрела, одна короткая очередь. Если до утра не сигналим – делайте дневку, ждите. На второй день можете хоронить. Сью в доле. Есть вопросы?

Мужики кивнули, соглашаясь, – если мать погибнет, ребенок получит ее долю в общаке. Только Муха разорался, почему его оставляют. Он плевался, краснел и бурчал неразборчивое, пока Галя не попросила его позаботиться о ребенке, если вдруг она не вернется. На этом старик размяк.

Малышку Сью уложили спать раньше обычного. Мужики в кухне без аппетита глотали обжаренную в тесте корюшку, сплевывали в общую миску головы и хвосты, пока Галя напевала старинную колыбельную песенку про усталые игрушки. Закончив есть, выпили по одной за почин дела, больше не стали. Радиоточка наигрывала меланхолическое: «...Ста-

рый отель, двери свои открой. Старый отель, в полночь меня укрой». Выгребая из бороды приставшую рыбью чешую, Сим-Симыч подумал, что в полночь они уже будут на станции. Песня закончилась, прозвенели знакомые позывные. Рюкзаки уже были собраны, оружие проверено. Сам Сим-Симыч взял короткоствол, Илья, Тим и Серый предпочли автоматы, Шурик сунул в кобуру переделанный пистолет, Галя оружие брать не стала.

– Вы ж не бросите девушку на съеденье подземным крысам-мутантам, – пошутила она, но в глазах промелькнул испуг.

«Не доверяет, – подумал Сим-Симыч. – Правильно делает».

– Все, мужики, присядем на дорожку – и айда.

...Весенний воздух одуряюще пах свежестью, особенной апрельской чистотой. Хлюпая сапогами по грязной дорожке парка, Сим-Симыч вспоминал первый Чумной год, пропитавшую все склизкую, сладковатую трупную вонь – желающих прикоснуться к мертвым не находилось, даже собаки не жрали падаль, а дроиды еще не разрядились. Так что живность, расплодившаяся в Зоопарке, приносила Петроградской стороне ощутимую пользу. На Гражданке трупы жгли, на Васильевском падаль бросали в море – смердело до самой Гавани.

Впереди бахнули выстрелы, раздалась брань. Сим-Симыч метнулся и разглядел в сумерках темную тушу, похожую на собачью, но приземистее и массивнее. Мужики столпились вокруг, нервный Шурик пнул тварь в бок и тут же схлопотал в бок от кэпа:

– Охренел? Вот прыгнет, сцука, откусит кой-что, будешь знать. Цел?

– Цел, конечно, Семен Семеныч.

Кэп достал драгоценный фонарик, осветил в четверть силы. Животина походила на росомаху, пули разворотили ей грудь. Может, дроид оголодавший, а может, и настоящий зверь – кто их сейчас без лаборатории разберет?

– Пошли, мужики, пока местные не задумались, что это мы здесь делаем?

– Цветочки собираем, – фыркнул Тим и замолк, почуввав, что кэп злится.

– Вот откроем мы склад, наберем... сколько там «яблочек» могло быть, Галя?

– Триста двадцать – триста пятьдесят, – бесцветным голосом ответила женщина.

– Так вот, наберем «яблочек», поднимемся наверх, а тут нас бригада цоп за ушко, да на солнышко. Потому что услышали, просекли, выпасли. А мы как куры глупые тут расквотались. Бросай падаль, вперед!

Они свернули за Мюзик-холл, без удовольствия слушая, как что-то большое ворочается и плещется в узкой протоке. Решетка намертво заржавела. Тим с Ильей попробовали вытащить прутья – богатырской силушки не хватило. Сим-Симыч плюнул и решил проблему хирургическим способом. Прикрутив вентиль баллона, он скомандовал одеваться, закрепил на узле решетки веревку и первым спустился вниз.

Свечи оказались плохой идеей – в затхлом и сыром туннельном воздухе они поминутно гасли, почти не давая света. Пришлось обходиться одним фонарем. Серый, как самый опытный боец, замыкал колонну, прислушиваясь к темноте за спиной, безоружная Галя шла второй, Тим смотрел вперед, держа автомат наизготовку. Сим-Симыч вел, не желая доверить кому-то драгоценный источник света. На удивление, тоннель оказался пуст – ни крыс, ни радиации (счетчик прятался в рюкзаке), ни завалов. Рейд начинался благополучно, вот только вода, достигающая колена, оказалась страшно холодной, мышцы сводила судорога.

Они шли минут двадцать, потом коридор раздвоился. Галя сняла прорезиненные перчатки и уверенно свернула направо, проводя рукой по стене. Искала она недолго – под пальцами вспыхнула синим светом панель. Ладони женщины вспорхнули над кнопками, набирая нужную комбинацию. Дверь открылась, натужно хрипнув. Перед группой открылся туннель метростроя, неловкий Тим тут же споткнулся о рельсы и зашипел от боли.

– Куда дальше, Галя? – осторожно спросил Сим-Симыч. Только теперь он до конца поверил – эта немногословная баба действительно что-то знает.

– Снова направо, – чуть помедлив, произнесла женщина. – Пойдем по рельсам, я поведу. Если не сложно, посветите мне под ноги.

Темные, словно покрытые лохмотьями копоти стены производили давящее впечатление. Сим-Симыч не боялся подземелий, но ему сделалось неуютно. Хорошо, что Шурик остался наверху, – с гарантией бы запаниковал, клизма очкастая. И в ушах звенит все сильнее. И ноги дрожат на рельсах...

Полузабытый рокот раздался из туннеля, что-то могучее с ревом ворочалось там. Первой среагировала Галя:

– Товарищи, все к стене! Прижмитесь к стене и не двигайтесь ни в коем случае.

Сим-Симыч отпрыгнул в сторону, сорвал рюкзак, швырнул в сторону и распластался вдоль мягкой, склизкой стены. Тим и Галя последовали его примеру. Оторопевший Серый замешкался и чудом успел спастись.

На них надвигался поезд. Сияющий и гремющий, похожий на древнее чудовище, настоящий поезд метро. Кэп успел удивиться – он был уверен, что движение прекратили еще в первый Чумной год. Потом мимо помчались вагоны, и мысли ушли, остался голый страх – стоять под мощным потоком воздуха буквально на волосок от смерти, не имея возможности что-либо сделать, помочь себе. Слева бормотал что-то неслышное трясущимися губами Тим, повернуть голову вправо казалось невыполнимой задачей. Чтобы справиться с паникой, Сим-Симыч начал громко считать до ста, перекрикивая рев двигателей. На девяносто семи мимо промелькнул последний вагон. Все остались живы.

Галя приободрилась, ее голос потеплел от радости:

– Получилось! Если поезда до сих пор ходят, значит, дроиды целы и сберегли склад!

Неумело улыбающийся Тим похлопал женщину по плечу:

– Слышь, я думал, ты гнала все про «яблочки». Молоток баба! Уважауха!

– Я не люблю врать, – тихо проговорила женщина. – Надо идти дальше – не знаю, сколько локомотивов курсирует по маршруту и успеем ли мы вернуться от следующего.

– Галя права, – растирая некстати «тикающую» щеку, подтвердил Сим-Симыч. – Нечего чаек считать, вперед. Рюкзаки на радостях не забудьте!

Вестибюль станции был покрыт толстым слоем нехоженой пыли. Ни дорожки крысиных следов, ни следа человека. В центре зала тускло светилась одна-единственная уцелевшая люстра. Каждый шаг поднимал серые облака, несколько раз из-под них проступали кости, облаченные в истлевшую одежду. Сим-Симыч споткнулся о дамскую сумочку, поднял ее, раскрыл – розовый суперфон на цепочке, мертвый планшет, кошелек с карточками и бесполезными деньгами, какие-то пестрые штучки в потускневших упаковках. Ничего ценного. Иногда люди брали с собой раритетные бумажные книги, которым, в отличие от электроники, не страшны ни облучение, ни взрывная волна. У них с женой подобралась хорошая библиотека, но перед рождением сына кэп своими руками перетаскал на помойку тяжелые пачки, чтобы освободить место для детской. Зачем держать дома лишние пылесборники, если любой текст можно найти в э-формате и закачать к себе? Это был один из немногих поступков в жизни, о которых он жалел до сих пор.

Дойдя до конца перрона, они поочередно спрыгнули с платформы и, продвинувшись немного вперед, свернули в боковой туннель. Галя по-прежнему возглавляла группу. Она не вздрогнула, когда прямо в воздухе загорелась надпись «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещен», а вложила руку между светящимися переключателями буквы «П», чтобы сканер считал отпечатки пальцев. Маленькое реле выползло из стены, Галя без запинки ввела код. Двери распахнулись, негромко гудя.

Они попали в огромный, тускло освещенный зал. Несколько поездов стояли в депо, как драконы в стойлах. Какие-то люди в одинаковых тускло-зеленых робах суетились вокруг них, точно муравьи, что-то вкручивая, ввинчивая, меняя и покрывая краской. Судя по тому, что ни один из рабочих не поздоровался и даже не повернул голову полюбоваться, кто там пожаловал, это были дроиды.

Пряча волнение, Галина стерла пот со лба и нажала на кнопку у входа. Третье реле заблестело искрами света, цифры совпали, открылась дверь в маленький кабинет. Уютная мебель, африканская маска на стенке, семейная фотография в рамочке, выключенный монитор, аккуратная, чисто умытая, хорошо одетая женщина средних лет за столом.

– Здравствуйте, дорогая Галина Викторовна! Здравствуйте, товарищи! Проходите! Желаете чаю или кофе?

Оторопевшие мужики не знали, что и подумать. Сим-Симыч сперва удивился и, только разглядев пустой чайник, из которого хозяйка кабинета бросилась разливать чай, понял, что перед ним не сумасшедшая, а дроид. Не простой, а золотой, высшей категории, узко специализированный. Хозяйка тем временем достала из буфета блюдечко с серой пылью и, предложив гостям откусать, вперила взор в начальницу.

– Разрешите доложить, Галина Викторовна! Ремонт подвижного состава осуществляется в штатном режиме. Движение перекрыто, поезда ходят от станции Петроградская до станции Невский проспект. Сигнал о чрезвычайном положении действует. Необходимо пополнение запасов аккумуляторов Я-12, дополнительные поставки ремонтного оборудования и штатная перепрошивка рабочего коллектива.

– Подскажите, сколько осталось аккумуляторов? – слегка побледнев, спросила Галя.

– Двадцать шесть полных, двадцать восемь задействованных, – сияя идиотской гордостью, ответил дроид.

– Ключи, пожалуйста.

– Сию минуту, Галина Викторовна!

Дроид протянул связку плоских магнитных ключей. Бледная Галя положила их на стол и попросила:

– Пристрелите ее, чтобы я не видела.

Сим-Симыч не стал колебаться – дроиды не люди, а полупустой аккумулятор можно использовать дома, в особенности зимой.

Пока Галя с Серым собирали аккумуляторы с разоренного склада, Тим и кэп стреляли в покорных рабочих и вытаскивали «яблочки» одно за другим. Двадцать шесть полных Я-12, двадцать разряженных. Восемь осталось в поездах – ни у кого не поднялась рука остановить могучие механизмы.

* * *

Обратный путь был печален. То и дело подтягивая тяжелеющий с каждым шагом рюкзак, дрожа от свирепого холода, Сим-Симыч представлял себе, как умрет станция. Через несколько недель погаснет свет, встанут в туннелях обессиленные поезда, пыль захватит убежище и заполнит еще одну клетку бывшего города.

– Семен! – негромко окликнула его Галя. – Я не знала, что резервы почти исчерпаны. Это совсем немного – двадцать шесть «яблочек».

– Ничего, бывает, – криво улыбнулся Сим-Симыч. – Живем дальше.

– Нам уйти?

– Не говори глупостей, – тяжелой от усталости рукой кэп коснулся плеча женщины. – Куда вы с малышкой одни денетесь? Ей расти надо, кушать нормально, а еще годика три – и учиться пора. Вот не знаю, работает ли сейчас хоть одна школа...

Поникшая Галя отстала. Стыдно ей, видите ли. Добытых аккумуляторов хватит года на два спокойной работы или на три экономной. А там или ишак сдохнет, или падишах...

Команда без проблем прошла обратный маршрут и поднялась наверх. Уже светало, над землей поднимался белесый пар. Поразмыслив, Сим-Симыч решил не стрелять – послал Тима завернуть к дому патруль, а сам с мужиками и Галей повернул к дому. Его трясло, и холод не унимался.

К вящей радости малышки Сью, утром в доме зажегся свет, включилось полное отопление, по комнатам заюлил пылесос. Только взрослые этому не обрадовались. К вечеру все, кроме Мухи и девочки, лежали в постелях, натужно кашляли, исходя горячечным кислым потом. На следующий день свалился старик. Квартира превратилась в лазарет, полный беспомощных, перепуганных пациентов. И никаких лекарств, никакой подмоги – бак воды, скудный запас провизии, банка меда, полбанки варенья и сушеные листики молодой матери-мачехи. Изнывающий от слабости и болей во всем теле Сим-Симыч, ненадолго придя в чувство, прокусил себе палец. Вид алой, спокойно каплющей крови немного успокоил его.

От коновала Шурика оказалось не много толку – он сам хрипел, пускал сопли и даже не пробовал встать с кровати. Галя через силу по утрам медленно обмывала больных и выносила горшок, а потом целый день лежала, хрипло дыша. Если бы не кудряшка Сью, они бы все могли умереть. Но еще не умеющая толком говорить малышка с недетской сообразительностью приняла на себя уход за больными. Смешно переваливаясь, она разносила воду, кормила их с ложечки медом и разболтанной в воде мукой, меняла компрессы, подавала бутылку помочиться. Готовить еду и составлять лекарства она конечно же не могла, но этого от нее и не ждали. Иногда Сью останавливалась посреди комнаты и, напевая на своем языке немудрящий мотивчик, танцевала под него, вызывая улыбки на заросших, потных физиономиях.

На пятый день больным стало хуже, температура поднялась до сорока градусов, жар сменился ознобом, лихорадочный сон – бредом. Маленькая сиделка сбивалась с ног, выполняя противоречивые просьбы. Ища прохлады, Тим хотел выйти на улицу из окна, но Илья успел навалиться ему на ноги и остановить – больной был слишком слаб, чтобы скинуть грузную тушу. Ночь тянулась бесконечно. К утру мужиков охватила слабость, они уснули и спали сутки.

Очнулись все, кроме Мухи, – слабыми, тощими, но здоровыми. Старик еще три дня бредил, исходя кашлем, хрипло призывая к себе «внучку», потом затих навсегда. Следовало бы стащить его к Зоопарку, но мужики, сами едва передвигаясь, вырыли во дворе яму и похоронили там друга. А потом поднялись домой, чтобы выпить и помолчать. Через пару дней команда вернулась к работе.

* * *

Избавившись от болезни, Шурик стал замкнут, отдалился от остальных и целые дни пропадал в городе – поражение в борьбе с хворобой сделало его пессимистом. Остальные же радовались – теплой весне, яркой зелени, тому, что остались живы. Благодарные мужики носили малышку на руках и закармливали сладостями, она мурлыкала свои песенки, не отдавая никому предпочтения. Сим-Симыч сокрушался – ребенок не растет, ему нужно питание, воздух, солнце. Он уже строил планы, как бы войти в одну из крупных общин. А там, глядишь, и новые малыши у Гали с Илюхой появятся. Будем жить!

Дело шло к навигации. Команда целый день проводила на катере, ремонтировала изношенные скамейки, конопатила щели, заново красила борта и каюты. Галя бродила по окрестностям, думая, где бы поудачней разбить огород. Ей хотелось укропа, редиса, рыжих хрустких карандашей моркови и розовых, как поросята, свеколок. Вместо Мухи Сим-Симыч

взял Костика – хромоногого молодого парнишку с правильными руками и фантастическим чутьем к технике. Казалось, все налаживается.

...Последним апрельским утром Сим-Симыч заскочил домой среди бела дня – забыл отвертку вместе с жилетом. Он не думал кого-то увидеть дома, и возня в детской комнате напугала его – вор? Бандит?

«Нет, нет, не хочу!» – в голос кричала Сюзанна, что-то упало и звякнуло. Пинком распахнув дверь, Сим-Симыч увидел Шурика с пробиркой в руках и девчущку, забившуюся в угол между столиком и батареей. Ветеринар сиял.

– Мы богачи, кэп. Просто не представляешь, какие мы богачи! Это враки, что границу стерегут без просвета, – за деньги можно найти проводников и убраться из этого гнилого городишки к чертовой матери! Вот, смотри!

Пробирка отсвечивала тусклым, переливающимся светом.

– Я нашел реактив. Обшарил развалины двух больниц и нашел! Эта пакость – не человек.

– И кто же она по-твоему? Мутант? Выродок? Невинность, потерянная торговкой на куче рыбы? – медленно проговорил Сим-Симыч.

– Дроид. Платиновый дроид, редкая птица. Их выпускали для фильмов и модных показов, для семей миллионеров. В Останкино похожая штучка вела передачу «Птенцы гнезда Петрова». Помнишь?

– Предположим, – согласился Сим-Симыч. Они с сыном смотрели эту дурацкую передачу по пятницам, и отец не понимал, что мальчишка нашел в этой слюнявой глупости, почему неотрывно пялится в телеэкран.

– Это очень дорогой дроид, и скорее всего – совершенно не поврежденный. Его можно продать, я навел справки. Главное – не повредить товар.

– Ты уверен?

– Конечно! Видишь сам – она не растет, не говорит, не умеет плакать. Замечал, кэп?

– Предположим, – опять согласился Сим-Симыч. Девочка действительно не росла.

– В крови у дроидов есть особый фермент, позволяющий отличать их от человека. Когда Тинкельман и Якушкин конструировали первые биомеханизмы, они построили маркер в геном. Поэтому обработка реактивом вызывает у них свечение, – приплясывая на месте, продолжал Шурик.

– Покажи-ка, – двумя пальцами Сим-Симыч зажал пробирку, потом ковырнул порез на больной щеке и капнул в сосуд своей кровью. Свечение усилилось!

– Я, по-твоему, тоже дроид? А по пупу не хохо? Она – ребенок – ходила за нами, пока мы тонули в собственном поту. У тебя совесть вообще есть?

Суровый взгляд кэпа мог пригвоздить ветеринара к полу, но тот вывернулся.

– Это вторичная реакция, разложение гемоглобина! Ну что ты как баба, кэп, – дроид просто игрушка, безмозглая и бессмысленная, ты таких стрелял сотнями. Нам заплатят хорошие бабки в Смольном, мы купим катер, два, три! Или уедем отсюда. И Гале... да, ей тоже выделим долю. Помоги запаковать куклу!

Шурик ошибся, повернувшись к капитану спиной.

Команде Сим-Симыч сказал вечером, что обиженный невесть на что врач переселился на другой конец города, к бабе, которую давно навещал, и все такое. Правду знали лишь твари из Зоопарка. И Сью – чудесная малышка с кудряшками, пухлыми ножками и шрамом на голове – там, где должно было открываться гнездо под аккумулятор.

* * *

Откуда Галя взяла андроида и почему считала его своей дочерью, кэп не стал спрашивать. Он вспомнил семейную фотографию на стене кабинета – мужчина, женщина, кучерявая девочка не старше двух лет. Когда-то старший менеджер станции Горьковская была счастлива – и она заслужила счастье.

С уцелевшей командой Сим-Симыч отпраздновал навигацию, подождал пару дней, а потом вызвал к себе Галю и посоветовал им с Ильей перебраться в деревню, прочь от питерской суеты и вечной уличной грязи. Растить ненаглядную дочку на свежем воздухе, подальше от глупых глаз и городских болезней, в любви и заботе. Удивленная Галя взглянула в усталые глаза кэпа, хотела что-то сказать, но не стала. Она поняла, что он знает – и не предаст.

Молодые записались в районной книге и в середине мая на попутной телеге уехали в деревушку с непроизносимым финским названием. Тим и Серый отработали лето, а осенью ушли из команды, искать новой жизни. Сим-Симыч нанял новых матросов, следующей весной прикупил новый катер и зажил припеваючи – носился по каналам, превышая законную скорость, пил настоящий чай, завел собаку – точнее, подобрал на окраинном пустыре осиротелого щена. Назвал Мухой. Иногда кэпу снилась Чума, но с каждым годом все реже, реже...

Илья и Галя дважды в год передавали гостинцы и письма с захожими фермерами. Писали, что родили второго ребенка, ждут третьего, завели двух коров, пашут поле и возятся в огороде. Малышка Сюзанна заговорила, научилась читать, стала хорошо кушать, играет с братиком. А по осени у девчухи наконец выпал первый молочный зуб.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Зеленый салат по-петроградски

Мелкая молодая картошка – 1 кг.
Молодая крапива – 1 пучок.
Щавель – 1 пучок.
Сныть – 1 пучок.
Кислица – 1 стакан.
Ростки папоротника – 200 г.
Зеленый лук – 1/2 пучка.
Нерафинированное подсолнечное масло 50 г.

Отварить молодую картошку в мундирах, не чистить, остудить, порезать самые крупные картофелины пополам. Ростки папоротника обжарить до мягкости, порезать, остудить. Крапиву обдать кипятком, остудить, измельчить. Зелень порезать. Все ингредиенты смешать, залить маслом, посолить по вкусу.

Шурпа из голубей

Голубиные тушки – 3 шт.
Масло подсолнечное – 100 г.
Луковицы – 2 шт.
Морковь – 3 шт.

Картофель 5 шт.

Томатная паста или сушеные помидоры – 200 г.

Лавровый лист, черный перец, паприка.

Голубей ощипать, выпотрошить, отрезать головы и лапки, тщательно вымыть тушки, обсушить. Затем разрезать птиц на кусочки, размером с фалангу пальца. Лук и морковь порезать мелкой соломкой, четыре картофелины кубиками, одну натереть на терке. Раскалить в казане масло, забросить туда мясо, поджаривать, помешивая, пока не уйдет сок. Засыпать лук, через 5 минут морковь, поджаривать до полуготовности. Затем убавить огонь, добавить томатную пасту, 2 стакана кипятка и протертую картофелину. Протушить 10 минут, добавить оставшуюся картошку, еще стакан воды, соль, пряности и тушить до готовности.

Ржаные лепешки

Ржаная мука – 0,5 кг

1 куриное яйцо

Масло сливочное – 100 г.

Соль.

Замешивается тесто на воде с яйцом, солью и половиной масла. Консистенция – как у густой сметаны. Поварешка теста выливается на смазанную маслом и разогретую сковороду, выпекается под крышкой, на медленном огне. Когда одна сторона подрумянилась, лепешка переворачивается и допекается.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Юлия Зонис

Бунт еды

Автор выражает благодарность Дарксиду за Харлана Эллисона и все хорошее.

Жил-был гребаный Джонни-Пончик. Ну да, тот, который бабу с дедкой зарезал и сожрал. Но самый смак – это, конечно, его аргументация. Джонни-Пончик не дурак был языком потрепать, ему только дай поаргументировать.

– Ля! – говорил Джонни-Пончик. – Эти чувырылы от века жрали нас. А теперь давайте мы их!

К круглому прислушались. За ним, блин, пошли. Сначала донатсы зажевали пекарей, потом пицца слопала своего итальянского шефа, а уж когда дело дошло до бургеров и бигмаков... надо ли говорить, чем все это кончилось. Вот потому я сижу в чертовом вонючем подвале и думаю о Джонни-Пончике, и я настолько, ля, голодный, что готов уже и Джонни-Пончика сожрать, хотя у него железные зубищи, как у Мармеладного Джо, и зачерствел он, революционер поганый, лет сто назад как минимум.

Рядом сидит и дышит мне гнильем в ухо Освальд. Освальд су-шеф из суши-бара, и многие бы над этим изрядно посмеялись, не будь в суши-баре таких острых ножей. Освальд мастак по ножам, даже так – Мастер с большой, ля, буквы. Он их и метать горазд, и вспарывать кишку кровяной колбасе, и шинковать сардельки на лету, и сбивать горлышки лимонадных бутылок, но больше всего он, конечно, любит делать медленный, аккуратный разрез на горле пряничных человечков. Ох уж эти пряничники, шустрые ребята, мимо не пройдут – воткнул в жопу карамельную палочку. Но у Освальда с ними разговор короткий. Он истинный ариец, Освальд. У него и форма нацистская есть. Спер в какой-то антикварной лавчонке.

Справа сопит Пед. То ли он педик, то ли педофил, то ли логопед, а может, лох педальный – лично я не спрашивал, да мне и не интересно. Он третий в тройке, вот и все, потому что второй я – Марио, простой такой парнишка с перекрестка 3-й и 22-й. Да, простой, ля! Мы жили в домике за оградой, у нас был почтовый ящик на столбе, часы с кукушкой или, там, с канарейкой и полосатые паласы, связанные бабушкой. Бабушка сидела на веранде, качаясь в скрипучем кресле, и непрерывно скрипуче зудела:

– Ля! Где же, ля, солнце! Чертовы гребаные уроды, понастроили своих чертовых уродливых небоскребов, и где же теперь солнце, я вас спрашиваю?! – и больно тыкала меня спицей.

Вот такая у меня была крутая бабка. Ее сожрала нашпигованная луком-пореем индейка, и было это на самое Рождество, когда над городом сыпался мелкий колючий снег.

Кстати о снеге...

– Я говорю, скопниться с Индейцем и поджарить его, всех делов, – хрипит Освальд.

Речь идет, понятно, об Отмороженном. О проклятом долбаном Бен энд Джеррииз, который повадился ходить по нашему кварталу, о гребаном ассорти с клубнично-бананово-чизкейковым вкусом. Это мы знаем, потому что Распиздзя успел отстрелить Отмороженному лапоть, прежде чем тот превратил его в сосульку. Лапоть мы сожрали, помянув добрым словом Распиздзя. Тогда же мы взяли в тройку третьего, то есть Пед. А так бы не взяли. Ненадежный он человечешко, Пед. Трус.

– А может, не стоит высовываться? – блеет он, поправляя очки на своей долбаной переносице. – Зима кончается. Скоро он сам растает.

Как же, держи карман шире! Растает он, Отмороженный. А куры сгниют, шипучка выдохнется, и медок съедят пчелки. Ничуть не. Шипучка пьет всех! Пчелки на ёлке, медок им едок, а жареные куры, твари проклятые, больше всего любят выклеивать человеческие глаза. Как стайей налетят, не отобьешься. И каплют, суки, прогорклым жиром.

Вот консервы почему-то можно жрать. Муку. Сухое молоко. Порошки там всякие. Только где это теперь достанешь? Все склады давно разграбили бандиты покруче нашей триады. Так и приходится: либо мы их, либо они, продукты гребаные, нас. Освальд говорит, это натуральный отбор. Говорит, останутся сильнейшие. Пед говорит, что нам настанет пипец, когда оживет и перестанет питься вода. Без воды, мол, никак. Это правда. Шипучку и даже молоко пакетированное хрен упокоишь. Разве что испаришь из огнемета, но у нас, как на грех, кончился керосин. Это когда мы в прошлый раз вышли на Отмороженного. Гад прикончил Распиздя и удрал по крышам, оставляя за собой сладкие липкие кляксы, а нам пришлось взять в тройку трусливого Педа.

– Я думаю, гнездо у него где-то тут, – шурит белесые глаза Освальд.

Из заваленного мешками с мусором и прочим дерьмом подвального окна пробивается тусклый свет, и в нем глаза Освальда кажутся грязными, как вода в луже. Вообще-то он сука. Но уж больно с ножами крут. И жопу, если что, прикроет. Нормальный парень, короче.

– Зачем Отмороженному гнездо? – недоумевает Пед.

Освальд поворачивает к нему лицо-лезвие.

– Чтобы выроdkов своих растить, – шипит он. – Неужели непонятно? У нас тут опасная зона. Наш флеймер сдох, но у Индейца и его парней есть, и у Мармеладного Джо есть.

Мармеладного Джо прозвали так после того, как он своими железными зубищами в одиночку порвал целую уйму мармелада. Яблочного, самого вредного. Тогда еще ходили большой тусой, а не тройками, и мармеладом этим замоченным вся улица обжиралась.

– Опасно, – бормочет Освальд. – А сукатварь...

Он так и говорит слитно, «сукатварь».

– ...а сукатварь жопу свою не хочет тащить в другой квартал. Значит, что-то у него тут есть. Что-то ценное. Гнездо. Или баба.

– Или морозильник, – слабо улыбается Пед.

Это он так шутит. Но Освальд все равно смотрит на него, как на идиота, и еще пальцем крутит у виска.

– А Трут говорит, – вмешиваюсь я, чтобы не было ссоры, – что видел в районе Марципановую Девочку.

Освальд оборачивается ко мне, скалясь, как бабушкин ротвейлер.

– Марципановых Девочек нет! – выплевывает он. – Это миф. Сказочка, чтобы пугать таких дурачков, как ты, Марио.

Я пожимаю плечами. Дурачок так дурачок. Бабка меня еще покруче обзывала. И где теперь та бабка?

– Решено, – говорит Освальд, вновь поворачиваясь к окну. – Идем на Сорок пятую по аллеям. Там в подвале макдачной должен быть яичный порошок. Берем пять ящиков, меняем на керосин. Если у Меняльщика нет керосина, отдаем порошок Индейцу, он нам свой огнемет занимает на день. Возвращаемся и мочим Отмороженного. Всем всё? Ну тады по коням.

* * *

Всю дорогу я думаю, какой это тупой, ля, план. Всю гребаную дорогу по мокрой улице, где под ногами хлюпает какая-то слизь и небо хмурится сквозь прорехи домов – результат армейской бомбежки, чтоб им не пить, не есть – я думаю о том, что в макдачную соваться не

стоит. Маки самые скверные противники. Все дело в булке. На одну половину тебя положит, другой прихлопнет, и барахтайся потом, пока тебя переваривают заживо. А вся глотка забита майонезом и долбаными салатными листьями. Лепешки немногим лучше – облепят, обернут и задушат, будешь потом таким роллом. Ребята рассказывали, видели они потом эти роллы. Человек уже вроде и переварился, а вроде и стал частью этой фигни, а лицо они оставляют напоследок. Страшно аж до усрачки. Но страшней всего, конечно, Марципановая Девочка. С ней никакие долбаные роллы не сравнятся. У нее голубые леденцовые глаза и длинные когти из леденцов, и ими она вырывает человеческие сердца. А потом не жрет, а нанизывает на пики решетки, окружающей церковь на перекрестке 13-й и 22-й. И тех сердец там уже море. Их даже вороны не жрут. Может, потому, что церковные облатки сожрали всех ворон.

– А как думаете, – вдруг говорит идущий по правую руку Пед, хотя сейчас бы следовало помолчать, – почему, по вашему разумению, не ожил яичный порошок?

– Захлопни пасть, – кратко отвечает Освальд.

Он деловой. Весь – дело, весь – цель, у него в правом глазу так и светится: «пять ящичков яичного порошка», а в левом пробегает: «бак керосина или огнемёт у Индейца». Наверное, это правильно – не думать о всякой фигне, когда на дело идешь. Поэтому Освальд надежный. А Пед – так, слизняк и дрянь. Но мне тоже интересно. Действительно, почему?

– Я думаю, – тихо, но упрямо продолжает Пед, поправив шотган на плече, – что все дело в рекламе. То есть, потом уже в рекламе, а сначала – в сказках и побасенках. Ну, понимаете, Джонни-Пончик – это же фольклорный герой, его все с детства знают. Понимаете, в фольклоре каждого народа он свой, ну, там, ирландский сбежавший пудинг, русский Колобок, норвежский блинчик, пряничные человечки...

Вот их поминать точно не стоит. Проклятые пряничники, гвардия Джонни-Пончика во время бунта. Освальд резко оборачивается к Педу, и на секунду мне кажется, что он сейчас врежет очкарику прикладом по зубам. Но сдерживается. Только головой качает, в том смысле, что «бывают же на свете такие придурки». Идем дальше. Пед бубнит:

– Все дело в том, что мы одушевляли еду. Понимаете, придавали ей личностные качества, а затем настала пора телевизионной рекламы, и тут уже просто пошел вал: шоколадные мишки, Милки-Вэй, Мистеры Пингви, говорящие йогурты, бутылки с Кока-Колой и Эм энд Эмсы... мы слишком в них верили, а вера творит чудеса, особенно детская вера...

– Сотвори чудо и захлопни пасть! – шипит Освальд. – Я что-то слышу.

Пед затыкается. Мы останавливаемся и стоим, наострив уши. И тут я тоже слышу откуда-то сверху: «Шлеп-шлеп-шлеп». Вот непруха! Отмороженный нашел нас первым.

* * *

Мы сидим за старой баррикадой из ящичков, столов и кроватей и нычимся. Посреди аллеи раскорячилась туша Отмороженного. Он похож на ком разноцветного теста, причем в тесте кипит своя жизнь – что-то там булькает и пузырится, и вот на поверхность, как кролик из шляпы, выкатывается розовый шарик глаза. Этим шариком Отмороженный шарит по аллее. Я громко сглатываю слюнки. Клубничное, самое мое любимое. Однажды бабка повела меня в кино. Я тогда был совсем птенец, от горшка два вершка, ничего не запомнил, кроме светящихся букв на фасаде, лотка с попкорном и трех шариков клубничного мороженого в вафельном стаканчике. Мороженое было жирное, сладкое, на языке так и таяло, а вафли приятно похрустывали... Может, это был бабкин день рождения. А может, и мой. Не помню.

Нычимся мы потому, что у нас есть только помповики, мой винтарь и ножи Освальда. А такой туше наши пули – что слону дробина: схмятит, выплюнет и не поморщится, а потом нас отморозит. Это у него быстро.

Отмороженный вертит башкой, или что у него там, с розовым шариком глаза. Он нас чует, но пока не знает, где мы точно. Перебивает собственная бананово-клубничная вонь. Освальд готовит ножи. Он свою жизнь задешево не продаст. Может, откромсает Отмороженному еще один лапоть. А что толку – тот новый выдавит.

Вот тварь как бы проседает и начинает то ли идти, то ли катиться к нам. «Шлеп-шлеп», – с него шлепаются разноцветные капли, оставляя на асфальте липкие следы. Наверное, по следам Отмороженного легко выследить. Только кому это в голову придет. Освальд крепче сжимает рукоять своего любимого тесака для рыбы с широким лезвием. Я тихо прицеливаюсь в розовый глаз, который все еще торчит из белой башки Отмороженного. «Шлеп-шлеп», – накатывает запах бананов, клубники и гнили, и тут...

Фффффффффррясссссссс! Струя пламени ударяет Отмороженному в спину. Тот замирает и медленно распадается пополам, и вторая струя – фффффффффррясссссссс! – уже поджаривает левую половину. Но Отмороженный неслаб, быстро стекается, прыжками-скачками летит к пожарной лестнице и ловко, как огромный белый слизняк, течет по ней вверх, на крышу, где засела тройка Индейца. Их огнем я по звуку отличаю. Оглядываюсь на Освальда. В одном глазу у него радость, потому что пронесло. В другом – неистовая злоба, потому что Индеец вперся на нашу охотничью территорию. Но с Индейцем мы разберемся позже. Пока – тикать вверх по переулку и к макдачной.

– Следы его видите? – хрипит Освальд.

Я киваю, глядя на розовые лужицы. Пед протирает свои очки.

– Давайте по следам.

– Зачем? – тупо спрашивает Пед и даже бросает очки протирать.

– Затем, – шипит Освальд, – что там у него кладка. Нутром чую, он где-то икры наметал. А икринки, пока маленькие, брать надо. Потом вырастут, хрен их возьмешь. Отморозят тут всех к гробам.

Я киваю. В словах Освальда есть логика. Как и всегда.

Мы идем по крышам. С той встречи, когда погиб Распиздай, Отмороженный отчего-то полюбил крыши. Может, думает, что удобно на людей сверху прыгать. Если он вообще думает. Мы засекли липкий след на пожарке в полуквартале от баррикады, теперь бежим по мокрому гудрону, стараясь не потерять цепочку цветных луж.

Я оглядываюсь через плечо. Слева и внизу 22-я, моя родная. Еще несколько перекрестков – и будет мой дом, с верандой и даже с бабушкиным скрипучим креслом. Крыша веранды давно прохудилась, и клетчатый плед на кресле сгнил от дождей, а кости ротвейлера зарыты в саду. Мы его еще с бабкой съели. Когда зарывали кости, бабка сказала, что Бобби – это ротвейлер наш – отправился на небеса. Я подумал, зачем бы на небесах понадобилась старая вонючая псина, но промолчал. С бабкой не спорят.

С церковной крыши внизу с карканьем снялись облатки и полетели кормиться. Хорошо хоть, что нас не заметили. Были на ограде сердца или нет, я так и не рассмотрел.

Гнездо мы нашли по натоптанному. Огромное липкое пятно растеклось по гудрону. Его даже дождь не смыл, и пахло от него клубнично-банановой гнилью. Слой сантиметра три, не меньше. В другое время я бы, может, встал на четвереньки и полизал слегка, но сейчас нельзя. Хрен знает, как там у них с Индейцем обернется. Индеец парень крутой, и в тройке у него не лохи, но и Отмороженный неслабый. Вернется, пока мы тут над кладкой его раскорячились, – и все, опачки, привет Бобби и его верным блохастым друзьям.

– Зачем он тут так метался? – тихо спрашивает из-за спины Пед.

– Очки протри! – грубо отвечаю я.

Не то чтобы я не любил Педу. Просто всё зло от лишних вопросов. Я так считаю.

Пятно растеклось перед домиком на крыше. Такая кирпичная квадратная надстройка. Может, там механизмы лифта стояли. Или жил кто-то. Маленький человечек, который любит жить на крыше. Короче, самое оно для кладки. Темно, тихо, холодно, и даже заунывное карканье облаток доносится глухо, издалека.

– Ну, – выдыхает Освальд. Поднимает помповик на уровень груди, целясь в черный прямоугольник входа. – Пошли.

И тут мне становится худо. Ненавижу нырять в темноту! Но я не поддаюсь панике и иду следом за Освальдом, потому что очковать – последнее дело. За мной, отдуваясь, топает Пед. Он тоже очкует и поэтому насвистывает сквозь зубы. Идет и свистит дурацкий мотивчик. Дурак-дураком. Когда я оборачиваюсь, он улыбается мне щербатой улыбкой. Это ему Освальд как-то передний зуб вышиб.

– Ты не бойся, Марио, – говорит он, хотя сам очкует покруче меня. – Ты представь, что это просто шарики мороженого в вафельном стаканчике.

Откуда он про шарики-то знает? Я мотаю башкой, чтобы отбросить ненужные мысли, и ныряю в темноту. На помповике Освальда впереди вспыхивает подствольный фонарь. Луч разрезает плотный, как тесто, мрак. Прыгает по стенам. Высвечивает какие-то надписи. Кучи хлама. Голубиное дерьмо. И останавливается в углу, отразившись в огромных, широко распахнутых глазах.

* * *

У нее голубые глаза и волосы, и невозможно-белое платьице. Она сидит, поджав к подбородку острые коленки. Волосы вьются мягкими локонами. Даже отсюда понимаю, какими мягкими, хотя на самом деле быть этого не может, потому что она – самая настоящая Марципановая Девочка. Сердце гулко бухает на раз-два-три и, миновав жопу, падает прямо в пятки. Сердцу не хочется на ограду к облаткам. Девочка поднимает кукольное, белое-белое треугольное личико и протягивает к нам руки.

– И**ть, – говорит Освальд, но почему-то не стреляет.

У меня уже палец замерз на спуске, словно на него дохнул Отмороженный.

Девочка протягивает руки, смотрит своими кукольными глазищами и говорит:

– Дяденьки, меня зовут Мальвина. Я боюсь темноты. Возьмите меня отсюда.

Пед выдвигается у меня из-за спины и делает шаг вперед. Освальд хватает его за плечо и громко шепчет:

– Окстись, придурок, это же марципановая сучка! Она тебя живо оприходует!

Девочка смотрит. Освальд, ослабившись, говорит ей:

– Вот какая у Отмороженного сладенькая подружка. Говори, сука, где кладка!

Девочка хлопает длинными ресницами. Губы ее жалобно кривятся.

– Я не марципановая! – кричит она, только очень тихо кричит, шепотом. – Я настоящая девочка! Я его боюсь! Он холодный! Он приходит и хочет погладить меня, но всегда отдергивает руку. Он не пускает меня наружу! Заберите меня отсюда!

Пед сбрасывает пятерню Освальда с плеча и делает еще шаг. Освальд передергивает помпу.

– Подойдешь ближе к ней – пеняй на себя.

Пед оборачивается к нему. Очки блестят в луче подствольного фонаря, и Пед кажется вовсе не Педом, а каким-то незнакомым и страшным очкариком.

– Это ребенок, – говорит он. – Девочка не понимает...

– Все она понимает, – цедит Освальд. – И я понимаю, что ты у нас педофил и любишь маленьких девочек, но это не тот случай. В сторону!

Пед как-то смешно вскидывает руку, словно заслоняясь от летящего в морду снежка.

– Я не педофил! – тонко кричит он. – Я педагог! Учитель. И я вижу, что девочка не понимает, кто она. Мы можем с ней поговорить. Мы сможем узнать...

– Я тебя предупреждал, – говорит Освальд и нажимает на спуск.

От выстрела в тесной камерке мы сразу глохнем. Пед отлетает к стене. Очки слетают у него с переносицы. Девочка, скорчившись в углу, зажимает уши. Освальд отбрасывает помповик и выхватывает ножи.

Марципан оказался вкусным. Таким вязким, к зубам клеится, и с миндальным привкусом. А глаза у нее и правда леденцовые. Один Освальд сгрыз сам. Второй дал мне и говорит:

– Это так у охотников принято. Самые лучшие части забитого зверя: глаза, сердце и желудок.

Я улыбаюсь. Освальд поделился со мной, значит, уважает. Партнер. Мы с ним партнеры. Это хорошо. Сосу голубой леденец, немного пыльный и кисло-сладкий. Такие были у бабки в круглой жестяной коробке с картинкой города наверху. Пыльные, слипшиеся в один ком, разноцветные, очень старые, как и сама бабка, и город на картинке. Самые вкусные на свете леденцы.

Покидав остатки в мешок, смотрим на труп Педа.

Освальд говорит:

– Берем его, что ли?

Я:

– В смысле?

Тащить еще предателя этого с крыши и хоронить. Я понимаю – Бобби. Того мы съели с бабкой. Он нам послужил, хорошее дело сделал. А Пед предатель, перебежчик и трус.

– В смысле – в мешок. Одним марципаном сыт не будешь. А тут все-таки мясо.

Я сглатываю. Что-то в этом неправильно, хотя Освальд всегда рассуждает верно. И сейчас вроде все верно: пока биг-мак замочишь, две обоймы изведешь, не говоря о проклятых ранч-бургерах с соусом чили. Да и какое там мясо? Соя вперемешку с хрящом. Я еще думаю, а Освальд уже встает на корточки и достает ножи. Один протягивает мне. Я просто офигеваю. Освальд никогда никому не дает своих ножей! Предупреждает: «Пальцем тронешь – будешь ходить без пальца».

– Давай, парень, – говорит он.

Я беру нож. Рукоять холодная, скользкая и тяжелая. Освальд мне доверяет. Он мой партнер. И конечно же он прав: все-таки мясо.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Рецепт приготовления марципана в домашних условиях¹

1 стакан миндаля
1 стакан сахара
0,25 стакана воды
2–3 капли миндальной эссенции
1 ст. л. порошка какао
пищевые красители
сахарная пудра.

Приготовим марципановую массу:

¹ Взято с <http://www.mktneva.ru/marzipan-recipes>.

1. Неочищенный миндаль опустить в кипяток, варить 1–2 мин., откинуть на дуршлаг. Дать стечь всей воде. Выложить миндаль на разделочную доску.

2. Когда орехи немного остынут, снять с них оболочку. Для этого надо сильно нажать на ядро большим и указательным пальцами. Затем ядра промыть и обжаривать на сухой раскаленной сковороде в течение 10–15 мин., постоянно помешивая.

3. Измельчить орехи в блендере до состояния пюре. Сахар залить водой; нагревать смесь до тех пор, пока весь сахар не растворится, а сироп не загустеет до состояния «твердого шарика», то есть чтобы из остывшего сиропа можно было скатать твердый, но гибкий и тягучий шарик. Положить в сироп измельченный миндаль и нагревать, постоянно размешивая, еще 3–4 мин. Добавить миндальную эссенцию.

4. Разделочную доску присыпать сахарной пудрой. Выложить на нее миндальную массу и раскатать скалкой до необходимой толщины.

5. Получился мягкий эластичный полуфабрикат, который легко режется ножом и принимает любую форму. В таком виде его можно использовать как начинку для выпечки. Чтобы из марципана можно было изготовить украшения, в него добавляют пищевые красители.

6. Надо отделить от марципановой массы кусочек нужного размера, выдавить на него немного краски и разминать его руками, пока весь кусок не окрасится равномерно.

P.S. Рецепт приготовления человеческого мяса автор пока оставил при себе.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Дарья Зарубина Книга – лучший подарок

– Не жмоть, друг. Ты представить себе не можешь, что там! – Борис впился мне в лицо горящим взглядом, но тотчас взял себя в руки, отвернулся и погасил свой взор. Нарочито медленно прошелся вдоль полок, постукивая пальцами по тем, где уже не осталось книг. Но напускное спокойствие давалось ему все труднее. Видимо, искушение было слишком велико.

– Ты же понять не можешь, Юрка, какое у тебя сокровище в руках! – он нервно сглотнул, погладил пальцем корешок коллекционного Рабле и тотчас отдернул руку. – За любую из этих книжек там дадут еду! Настоящую. Не таблетки из резерва, не синтетическую дрянь, а нормальную еду. Как раньше, Юрка!

Борис осторожно взял в руки десятый том Лема. «Текстовское» собрание. Я так и не смог сжечь его, даже когда было совсем худо. Я стал жечь книги только после того, как в доме закончилась мебель, а мороз перевалил за сорок. И когда пальцы на правой руке потемнели и перестали слушаться, я бросил в камин сборничек Гете. Спички не слушались левой, но наконец узелок пламени угнездился на форзаце, свернул в трубочку первую страницу, вторую, жадно набросился на любимые строки. Я натопил снега и пил талую, ржавую воду, пока догорал переплет. Сартра я жег, признаюсь, даже с каким-то злорадством. Старый зануда, кичившийся своим отвращением к миру, верно, и представить себе не мог того, что я каждый день видел в окно, когда был в силах подойти к окну. Сартр в отместку горел плохо, слабеньким зеленоватым пламенем, бессильным растопить даже пару горстей снега.

Все, что не горело, я поменял на патроны. Благо, последнее время отбиваться от тех, кто потерял человеческий облик от голода, холода и страха, не приходилось. Опухших мертвецов, еще не объединенных нелюдьми, замело снегом. Если бы пришлось отстреливаться, я бы, пожалуй, пропал. Пропал бы раньше, когда в самый мороз уснул, обнимая вытащенный с нижней полки том Эко. «Имя розы». До других любимых книг было не дотянуться.

И тогда пришел Борис. Не знаю, как он нашел меня. Видимо, наткнулся случайно, обшаривая, как всегда, дом за домом в поисках горючего или припасов. Он натопил воды, бросая в огонь самые толстые тома. И я не мог помешать ему, потому что был почти мертв. Он сжег моего Толкиена, Пратчетта и коричневый трехтомник Уайльда – подарок мамы. Думаю, сейчас он корил себя за это. О нет, не за гибель книг, которые я любил. Борис был фантастически невежественен. Кажется, до того, как все погибло, он не читал вовсе. Он и сейчас не читал. Порой, когда я пересказывал ему самые известные сюжеты, он слушал. Даже внимательно, но никогда книга не могла зажечь в его глазах того огня, что я видел сейчас.

– Если бы ты знал, какие у нее блины, Юрочка. – Борис мечтательно прищурился, сглотнул. – Янтарные, медовые, ноздристые как сыр. Так и дышат. А какие пироги! Это барин, а не пирог. Лампасы таким пирогам, ордена – и на портрет.

Я удивленно смотрел на Бориса. Этот поджарый, сухой, жестокий человек всегда казался мне неспособным к поэзии. И когда он уходил, я представлял себе, как он часами, не зная усталости, бродит по развалинам с ломиком в правой руке и шокером в кармане, надеясь достать нам еду.

И он доставал. Однажды принес целый пакет таблеток и капсул из спецзапаса военных. После трех дней нормальной кормежки я стал подниматься с постели и даже попробовал ходить.

До сих пор не знаю, почему Борис выбрал меня. Может, потому, что отчаянно нуждался в живой душе рядом, а кошек, собак и даже крыс давно не осталось. Пожалуй, я был благодарен ему за спасение, но не в те дни, когда мороз начинал крошить стекла и Борис выгребал с книжных полок новую порцию топлива.

После того, как я встал на ноги, Борис стал заходить реже. Он оставил мне сумку с капсулами и брикет синтетического мяса и перебрался в другую часть города, поближе к военным базам. Видимо, мне все-таки удалось достучаться до него, потому что, уходя, он прихватил несколько книг.

– Просто возьми с собой... ну хотя бы вот это. – Борис взвесил на руке томик Диккенса. Третий. Остальные еще пару месяцев назад он самолично отправил в камин.

Я вынул книгу из его рук, чувствуя в ладонях теплую кожу переплета. Отвернулся, перелистнул пару страниц, делая вид, что раздумываю над его словами. По правде говоря, я просто не знал, верить ли Борису или нет. Не может быть, чтобы у какой-то мадам из подпольной харчевни на задворках Нижнего города была еда. Настоящая еда. Уже несколько лет я не видел ничего, что хоть сколько-то напоминало бы нормальную пищу. Все растения на окнах, до самых мелких корешков, были съедены. Остались только пустые площадки в переворощенной мерзлой земле. Все, что можно было поймать или выкопать на улицах, давно истребили нелюди. И сейчас я был бы рад даже крысе. Обычной помойной крысе, если бы в городе еще можно было найти хоть одного грызуна. Дальше, за городом, была только снежная пустыня. На много километров вокруг. Может, там и водились еще какие-нибудь твари, но отправиться туда не решился бы и мой решительный приятель с своим ломиком. Что уж говорить обо мне.

Борис пошевелился за моей спиной, кашлянул, поторапливая.

Я поставил Диккенса на полку, взял второй экземпляр «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, тот, что покупал сам, и сунул в карман пальто. Второй экземпляр, отцов, с пометками на полях, остался лежать на полке, укоризненно глядя на меня надменным взглядом Остапа Бендера через брешь, что осталась от взятой мною книги. Я заметил мельком, что мой товарищ не удержался и утянул-таки «Мастера и Маргариту». Это было неплохое издание, но у меня оставался нетронутым пятитомник, и я решил сделать вид, что не заметил кражи. Может, Борис сумеет обменять Булгакова на приличный обед у своей загадочной приятельницы из подвального трактира. Хоть какая-то благодарность за спасение моей жизни.

– Да если бы мне дознаться, откуда она получает харчи, – Борис почти бежал, так что я едва успевал за ним, – я бы не стал принимать людей в подвале. Ведь к ней министры, генералы есть идут. И не всякий день своей очереди дожидаются. Зал-то всего на тридцать человек. Будь у меня такие продукты, я бы открыл заведеньице столов на сотню. – Он усмехнулся собственным мечтам, потер мерзнувшие руки: – Я бы, друг мой Юрка, развернулся во всю ширь в этом дерьмовом мире. А она сидит на своем богатстве, как на мешке с барахлом, охраняет. Вот как ты с библиотекой своей. Однако, баба умная. У кого книг нет, с тех деньги дерет бешеные. Шутка ли – «прежняя» еда! А за некоторые книжки, бывает, даже и бесплатно покормит. Знал бы я, что так подфартит, не стал бы жечь твои. Перетаскал все к себе и жил сейчас...

Он понял, что сболтнул лишнего, заглянул мне в лицо, пытаясь понять, заметил ли я его оговорку. Я улыбнулся ему, словно не слишком слушал. Борис облегченно потер лоб и снова ускорил шаг. А я понял, что надо найти способ оторваться от него после харчевни, побыстрее добраться домой и уходить, вместе с книгами. Нехороший огонек плясал в глазах у Бориса. Библиотека могла стоить мне жизни, и, я был уверен, мой друг даже не увидит в этом ничего плохого: один раз он меня уже спас. А так – можно считать, что и не спасал.

Через час с четвертью мы достигли цели. Полуразрушенное здание городского собрания укоризненно смотрело на нас пустыми глазницами окон, пока мы ждали ответа на условный стук Бориса. Послышался лязг двери, второй, третьей. Мы долго шли черными сырými подвалами. Пахло ржавчиной и сыростью. И я уже подумал, что Борис решил не откладывать в долгий ящик и заманил меня сюда, чтобы решить дело быстро и без шума. Но за волглой темнотой подземных нор мелькнул свет лампы, повеяло теплом, и желудок мой зашелся от забытого ощущения. Я захотел есть. Но это был не голод. Голод дерет тебе кишки, но не заставляет сердце выпрыгивать из груди от предвкушения. Во мне же проснулось именно желание есть – жажда ощутить знакомый аромат, почувствовать, как заходятся в эйфории рецепторы, как течет по нервам острое наслаждение вкуса. Уже давно окружавший меня мир пах лишь снегом, ржавчиной и бетонной пылью, и за долгие месяцы и годы обоняние научилось различать мельчайшие оттенки. Я мог по запаху ледяной корки определить, насколько гадкой будет вода, натопленная из нее. Но сейчас масса забытых запахов обрушилась на меня, оглушив все чувства разом. В глазах потемнело, рот наполнился слюной, в ушах стоял бокальный звон, так что я вынужден был опереться рукой о стену. Борис поволок меня дальше.

Хозяйка встретила нас в дверях. Толстая, не слишком опрятная женщина лет сорока, в дорогом платье, которое так не шло к ее красному, широкому лицу и маленьким жадным глазкам. Она потребовала плату, выхватила из моей руки книгу и быстро пролистала ее. Видимо, подарок пришелся по душе, потому что взгляд хозяйки потеплел. Она спрятала книгу в глубокий карман платья и попросила подождать, пока подадут на стол.

Мы ждали на удивление недолго, не больше четверти часа. Дольше я не выдержал бы. Запахи из зала просачивались в приоткрытую створку двери. Там шумно и вкусно ели. Пахло жареным мясом и базиликом, сладко тянуло ананасами, слышался вкрадчивый шепот шампанского и боржомов. И тысячи других знакомых, но забытых запахов и звуков, накрепко сплавленных в памяти с блаженным ощущением сытости.

Но хозяйка не повела нас в общую залу, а пригласила к себе. В низкую темную комнату с большим столом, накрытым выдавшей виды клетчатой скатертью. Однако одного взгляда на этот стол хватило, чтобы сознание помутилось от недоверчивой радости.

– Откушайте, чем бог послал, – проговорила хозяйка грудным тяжелым голосом, откупоривая зубровку.

Ну откуда, скажите, у этой неопрятной толстухи в ее сырой норе настоящая зубровка?

Борис бросился к столу, на ходу подцепляя из небольшой, но глубокой миски маринованные грибки. Явно домашние, с черным горошком перца и крупным лавровым листом, что тотчас прилепился к ложке – хорошая примета, к новостям. Я присел следом.

Хозяйка, теперь угодливая и ласковая, поставила ровнехонько передо мной тарелку багрового наваристого борща, в котором сквозь виноцветный бульон виднелся хороший кусок мяса. Первосортная говядина. Я узнал бы ее из тысячи таких же кусков. Было время, я мог отличить мясо кошки от крысиного всего по нескольким тоненьким волокнам в тарелке. А тут – кусище в пару сантиметров толщиной. Золотое кольцо пассерованного лука словно нимб охватывает его сверху, а снизу стыдливо укрывает проваренный до прозрачности капустный лист.

Я подцепил мясо на ложку и долго держал во рту, силясь убедить себя, что это не сон, не бред давно и сильно голодного человека. Я нажал зубами на мясо, и бульон, жирный, горячий и душистый, потек мне в горло.

– Вы, милый мой, много сразу не кушайте, – заворковала хозяйка, – а то с непривычки, бывает, у дорогих гостей с нутром плохо делается. А был случай, что и заворот кишочков случился.

Я не слушал ее. Я хватанул рюмку зубровки и жадно припал к стакану с компотом. В нем плавала половина сушеного яблока. Я вытащил ее и съел, быстро и жадно, чувствуя, как компот капает мне на рубашку. Я поверил в чудо и теперь хотел есть.

Борис принялся за селедочный форшмак, а я, отставив недоеденный борщ, накинулся на второе. Пышное куриное бедро кокетливо выглядывало из-под белоснежного кружева вареного риса. Я разворошил рис и вонзил все четыре вилокных зубца в розовое мясо. Жевал яростно и торопливо, запивая компотом. Борис доделывал зубровку.

Хозяйка положила ему на плечо пухлую руку, и мой приятель невзначай погладил эту руку. Потом шепнул что-то хозяйке на ухо, и она зарделась, при этом глядя на меня. Словно Борис обещал ей от моего имени что-то приятное. Я вспомнил про похищенного Булгакова. Видимо, дамочка была и вправду не на шутку охоча до книг, хотя по внешнему виду и не походила на книгочея.

На столе оставалось еще много еды, когда я понял, что больше не сумею съесть. Желудок, за долгие годы отвыкший от настоящей пищи, бунтовал, разум требовал, чтобы я остановился. Глубинный, выросший в тело страх подначивал затолкать в рот еще немного, про запас. Но я встал из-за стола и простился с Борисом и хозяйкой.

– Вы заходите, миленький, – пробормотала она, краснея от зубровки. – Уж больно книги у вас хороши.

– Я к тебе вечером забегу, – пробормотал Борис, дожевывая большой кусок любительской колбасы и нацеливаясь ложкой на остатки моего борща.

Я понял, что времени немного. Через сырое нутро здания шел с видимой неспешностью, но едва скрылись за поворотом черные глазницы верхних этажей городского собрания, припустил едва ли не бегом. Бежать мешал камнем лежащий в желудке ужин, но предчувствие беды гнало вперед. И было еще что-то, ощущение чего-то знакомого, смутно припоминаемого. Что-то брезжило на самых задворках памяти.

– Точно! – Я остановился как вкопанный. – «Откушайте, чем бог послал», так она сказала, – я припомнил, как хозяйка сажала нас к столу, – толстуха не выглядела ни библиофилкой, ни богомолкой. Тогда откуда это «бог послал»?

Строки сами всплыли в памяти. И зубровка, и форшмак из селедки, и украинский борщ, яблочный компот, курица с рисом. Альхен и Сашхен! Я сам дал ей книгу. Ильф и Петров, «Двенадцать стульев». Но как?!

Я влетел на третий этаж, не замечая ступеней. Кинулся к полке, вытащил в полки укоризненный отцовский экземпляр истории гражданина О. Бендера. Открыл его и сел прямо на пол, тупо таращась на поруганную книгу. Страница шестьдесят пять – ничего, ни зубровки, ни борща. А колбаса? Она утащила у Ипполита Матвеевича колбасу раньше отца Федора, утащила вместе с целым абзацем.

Наглая толстуха обворовывала мои любимые книги! Подлая жадная тварь крала еду у тех, кто не мог защитить себя. Понятно, почему она так хотела, чтобы я заходил еще. Уж не обещал ли ей Борис моего Рабле? А может – Диккенса? Тогда можно было бы угостить министров и генералов устрицами и маленькими бифштексами. Она будет набивать карманы, скармливая людям страницу за страницей. Наверняка эта гадкая тетка и Борис смеются сейчас, доедая курицу, что Азazelло бросил вслед Поплавскому. А может, она уже подает на стол своим гостям порционных судачков а ля натюрель и яйца кокотт с шампиньонным пюре! И прямо сейчас они едят украденный у меня роман! Они...

От мысли, что пришла мне в голову, вся злость улетучилась. Остался только страх. Пусть толстая жадная баба увечит книги, но она кормит людей. Зачем-то дала Судьба ей в это страшное время такой дар. Зачем-то подсказала, что делать... Но ее невежество...

Я бросился вниз по лестнице, забыв запереть дверь. Потому что понял: если помедлю хоть на мгновение, все эти книги, которыми я так дорожил, не будут стоять ломаного гроша.

Я бежал, задыхаясь и падая, царапая ладони бетонной крошкой, обрывая полы пальто о торчавшую из развалин арматуру. Я вбежал в подвал, знакомым путем рванулся в комнату хозяйки.

Борис сидел, уронив лицо на руки. Ушлая его приятельница осела на своем стуле и, когда я распахнул дверь, завалилась набок, перевернув своим немалым весом стул.

На столе лежали остатки их пира. И посреди всего этого стоял на куске гробовой парчи совершенно заплесневелый кувшин. И темная струйка ползла по клетчатой скатерти из упавшего стакана. Последние капли вина, что пил некогда прокуратор Иудеи.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Украинский борщ Сашхен

Необходимые продукты (из расчета на 3 литра воды):

Говяжья грудинка – 500 гр.

Овощи: большая свекла, средняя луковица и ма-аленькая морковка, 5–6 средних картофелин, капуста – четверть среднего вилка.

Растительное масло – 6 столовых ложек.

Соль, перец – по вкусу.

Очистите говядину от пленочек, нарежьте на некрупные кусочки и ставьте вариться на 2,5–3 часа. Пока мясо варится, займемся приготовлением овощной заправки.

Сначала обжариваем морковку. Отдельно. Выкладываем морковку из сковороды – дожидаться своего часа. Потом добавляем в ту же сковороду еще растительного масла и обжариваем до золотистого цвета порезанный тонкими кольцами лук. В виде колец он будет хорош не только на вкус, но и на вид. Если кто-то в вашей семье не любит обжаренную морковку – возьмите мелкую, порежьте кружочками и не обжаривайте. Золотистые кружки молодой моркови тоже очень украсят блюдо.

Теперь перекладываем лук в отдельную посуду и обжариваем натертую на крупной терке свеклу. Очень хорошо, если у Вас есть молодая свекла с листочками. Молодую свекольную ботву мелко нарежьте и добавьте в поджарку. Свеклу стоит обжарить так, чтобы была сладкой, но не темной. Только так вы получите настоящий «виноцветный» борщ.

Картофель тоже можно приготовить отдельно. Например, отварить в мундирах, потом очистить и порезать брусочками. Если считаете, что вашей картошке мундир не к лицу (мол, много чести), тогда можно почистить ее, порезать, ненадолго оставить в воде, чтобы убрать лишний крахмал. Правда, если сварить картофель в бульоне, ваш борщ не будет таким прозрачным, как хотелось бы.

Когда мясо сварилось – выньте его и нарежьте крупными кубиками или ломтиками. Бульон процедите и верните на огонь. Потом положите картофель и очень мелко нашинкованную капусту. Посолите немного. Если картофель отварили отдельно – положите в бульон только капусту. Ей достаточно минут 20, чтобы стала достаточно мягкой и прозрачной.

Теперь добавляйте мясо, морковку, сваренную и нарезанную картошку. Сушеную зелень можно добавить на этом этапе. Потом добавляете в еще горячий, но уже снятый с огня борщ золотистые кольца лука и обжаренную

свеклу. Досолите, добавьте специи, которые вам по душе. Осторожно перемешайте. Если есть свежая зелень, присыпьте ею немного сверху.

Если вам нравятся золотые медальоны на поверхности борща – капните немного растительного масла.

Теперь «закутайте» борщ и дайте настояться.

Подавать к столу можно со сметаной и зеленью, но обязательно – с глубочайшим пиететом.

ПЫТАЙТЕСЬ ПОВТОРИТЬ! ЭТО НЕ ОПАСНО!

Игорь Минаков, Максим Хорсун Корабль гурманов vs Бетонный линкор

Меня смыло волной за борт переполненной беженцами лохани. Долгое время я провел в воде, служа кормом для рыб. Ветры и течения отнесли мое тело от Бангкока к берегам Камбоджи. Там я угодил в противоторпедное заграждение, установленное мертвослужащими с дредноута «Уроборос».

– Эй, дружище! – окликнули меня матросы. Они подошли к заграждению на катере. Дредноут, похожий на стальной остров, стоял на якоре неподалеку. – Ты мертв?

– Мертв, – булькнул я.

– Вот и отлично! – оскалились матросы. – Добро пожаловать на флот!

На дредноуте со мной первым делом побеседовал заместитель командира по работе с личным составом.

– Какие планы на жизнь после смерти? – спросил он, закуривая трубку.

Я задумался. Все, что случилось со мной за тридцать лет, люди, окружавшие меня эти годы, мои привязанности и интересы – все казалось сейчас таким никчемным. Кем я был? Зачем? Имело ли смысл? Волна, смывшая меня с транспортного корабля, точно лезвие Оккама отделила все бессмысленное и наносное, оставив квинтэссенцию моего «я».

– Ну, может, навестить кого-то хотел? – подсказал, видя мое смущение, заместитель командира.

Я покачал головой.

– Сынок, – офицер посмотрел мне в глаза. – У нас тут война. И ты отныне – на нашей стороне. Живых осталось мало, но они в очередной раз отказались вести мирные переговоры. И наш дредноут – самый мощный боевой корабль Южного Флота Мертвечества – идет, чтобы всыпать гордецам по первое число. Присоединяйся, будет весело.

И я согласился. А почему бы и нет? Мир здорово изменился за последние годы. Сначала – эпидемия, затем – атомная война, развязанная живыми против мертвых. Земля была уже не той планетой, о которой нам рассказывали на уроках географии. И где еще, как не на флоте, у меня будет возможность посмотреть свет?

– Знаешь, ты сильно раскис в воде, – оценил заместитель командира. – Да еще рыбы постарались... Пожалуй, тебе можно сразу дать вторую степень разложения. Матрос второй степени разложения! Что скажешь? Звучит! Я распоряжусь, чтоб подготовили приказ.

Так я присоединился к команде «Уробороса».

Взамен гнилых лохмотьев, в которые превратилась моя одежда, баталер выдал новенькую форму, фуражку-начерепушку и белые парусиновые тапочки. Боцман – лежалый темнокожий труп с нравом старого простатника – позволил занять свободную шконку в кубрике. К этому времени подоспел приказ о моем назначении на камбуз. Служить мне предстояло под началом кока – мумии-лейтенанта Гробушко.

Это назначение меня обрадовало. На камбузе работа не пыльная. Можно сказать – привилегированная. К тому же, я не ел с тех пор, как умер. Специфический голод живого мертвеца одолевал меня, мешал сосредоточиться, и порой было трудно вразумительно отвечать на вопросы вышестоящих по званию. Поэтому я попросил боцмана отправить меня на камбуз незамедлительно.

«Уроборос» был огромен. Коридоры и трапы образовали многоэтажный лабиринт, в котором я бы блуждал, наверное, неделю, прежде чем смог бы найти нужный отсек или просто вернуться назад. Скрипел под ногами потертый линолеум, гудели лампы под массивными плафонами из матового стекла. Туда-сюда пробегали мертвячки разных чинов, все

были заняты делом. Палуба ощутимо вибрировала: дредноут набирал ход, направляясь из Сиамского залива в Южно-Китайское море.

– Обычно ребятам дают неделю на то, чтобы живчик расчехлился, – предупредил боцман. – Хочешь – лежи на шконке и смотри в подволоку. Хочешь – учи корабль и кто есть кто на его борту. Спрашивай, надоедай. Не освоишься через неделю – выкинут на корм акулам. Нам не нужны на борту тупые зомбаки. Заметано?

– Заметано, – не стал спорить я.

– Вот, кстати, и камбуз...

Какой могла быть кухня у ходячих мертвецов?

Я ожидал увидеть нечто среднее между скотобойней и средневековым моргом, однако камбуз оказался самым обыкновенным: просторным, хорошо освещенным отсеком. Газовые плиты, стоящие в ряд, были окружены штормовым ограждением, а сами крепились на карданных подвесах, предохраняющих от качки. Вдоль переборок висели начищенные до блеска сковородки, половники, лопатки и прочая утварь. Полки ломились от жестяных коробок с крупами, пряностями и макаронными изделиями. Тускло поблескивали башни из кастрюль, составленных одна в одну. За столами работали одетые в белоснежные поварские кители мертвецы. Кто-то резал лук, кто-то шинковал морковь, кто-то разделявал курицу.

Боцман представил меня коку:

– Это – Обглоданный, товарищ мумии-лейтенант. Рвется послужить Мертвечеству. Оголодал, несколько недель – на одной морской воде.

Гробушко смерил меня взглядом бельмастых глаз.

– Ммм... – протянул он, поправляя на себе китель. – А чем занимался, пока не сдох?

– Сначала работал сисадмином, – принялся перечислять я, – потом – модератором компьютерных игр в социальных сетях.

Кок понимающе кивнул. А я пожаловался:

– Вырвался с девушкой в Таиланд, а тут эта херня с вирусом. Почти два года просидели в Бангкоке, никто не хотел эвакуировать.

– Ммм... – снова протянул Гробушко. Не знаю почему, но я сразу проникся к коку доверием. Веяло от него какой-то простой мертвецкой мудростью. – На какой процесс бы тебя поставить... На салаты? На бульоны и жульены?

Пока кок размышлял, боцман сграбастал меня за шкирку и выкинул в коридор.

– Не смей вспоминать о том, что было раньше! – прошипел он мне в лицо. – Теперь ты – покойник, сынок! Гордись этим! Слыхал, наверное: «Все мы – живые, все мы – несовершенные...» – проблеял боцман козлиным голосом, а затем приосанился и рявкнул: – Верно, черт возьми! Только мертвые – совершенны!

Я поспешил заверить боцмана, что забуду, кем я был, и что больше такая ерунда не повторится. Тогда тот расправил на мне форменку, потрепал по обглоданной щеке и, наказав зубрить устав, ушел по своим делам. Я же вернулся на камбуз.

– О! – Гробушко отвлекся от кастрюли, в которой бурлил кипяток, указал на меня половником. – Вынести мусор и отдраить палубу!

– Есть! – ответил я и бросился к ближайшему мусорному ведру. Вытащил из него пакет, набитый овощными очистками, кинулся к следующему ведру... Ничего сложного. Нагрузившись, я выскользнул из камбуза. Контейнер для мусора находился поблизости. Мне рассказали, как его найти, так что блуждать по коридорам пришлось недолго. Потом пришлось браться за квачу и драить палубу.

Жутко хотелось есть. То, что осталось от моего носа, чуюло запах куриной крови. И когда я вернулся на камбуз, Гробушко разрешил заморить червячка. На свободном столе меня ждала тарелка, в которой, как ни странно, дымились вареный корень сельдерея и несколько

бобов. Я с обидой поглядел на кока, но тот уже занимался ужином для офицеров. Мне пришлось довольствоваться тем, что дали.

Так началась моя служба. Я не знал, что такое усталость. Днем вкалывал на камбузе, ночами учил устав и ТТХ «Уробороса».

Наш корабль одним своим видом мог вогнать живых в трепет. Морские лорды Мертвечества проектировали его по принципу «только большие пушки». Вооружение «Уробороса» составляли десять 305-миллиметровых орудий, размещенных в пяти бронированных башнях, – в них заключалась наша основная ударная сила. Тридцать 76-миллиметровых пушек, разбросанные повсюду – от казематной части корабля до верхних палуб, – предназначались для защиты дредноута от малых кораблей. Кроме того, на «Уроборосе» были пять торпедных аппаратов и шестнадцать автоматических зенитных пушек.

Мумии-лейтенант Гробушко, как я и предполагал, оказался порядочным мертвецом и добрым начальником. Более того, для меня он стал кем-то вроде гуру, открыв мне – недавно еще живому – духовные основы Мертвечества.

– Спаржевый супчик, луковый супчик, куриный бульон с половинкой вареного вкрутую яйца, – перечислял кок, с хрустом загибая окостеневшие пальцы, – все дело в том, чем мы питаемся, Обглоданный. Инстинкт толкает нас на поедание кровотокающей плоти, но если мы подчинимся инстинкту, то потеряем разум. Понимаешь, сынок, после смерти пищеварение не прекращается, но процесс этот идет не так, как у живых. Он осложнен всякой всячиной и, тем не менее, продолжается.

Дело было после ужина. Мы с Червивым – матросом первой степени разложения – притащили из кубрика пустой котел, в котором был подан нижним чинам гороховый суп-пюре. Червивый пошел назад, чтобы забрать самовары, а я залил котел водой с чистящим средством и взялся за мытье. Гробушко был на камбузе: грыз сушку и пил чай. Коку хотелось поговорить, а я, занимаясь делом, мотал на ус.

– Если мы набьем брюхо сырым мясом, то оставшаяся после жизни энергия в наших телах уйдет на то, чтобы переварить эту дрянь...

Когда речь зашла о сыром мясе, я невольно сглотнул.

– ...и мы превратимся в тупые, малоподвижные пугала, – продолжал Гробушко. – Станем такими, какими нас показывают в кино. И продлится такое состояние неделю или даже месяц. С нами в это время можно будет делать все, что угодно: жечь из огнемета, взрывать или даже пилить бензопилой. – Кок со смаком хлебнул чаю, бросил в безгубый рот четвертинку сушки. – Ну, так вот... В конце концов, мертвым удалось преодолеть инстинкты. Зов крови – порочный зов. Для того чтобы выжить в мире, поработанном живыми, нам нужен разум. Мы не имели возможности ждать тысячелетия, пока о нас позаботится эволюция. Мы поняли, что секрет заключается в правильном питании и сбалансированной диете, которая полностью исключает тяжелую для пищеварения еду. – Он со стуком поставил кружку. – Поэтому у меня на камбузе не держатся мертвячки, которые облизывают ножи после разделки курицы. Тебе ясно, Обглоданный?

Мне стало стыдно. Если бы я был живым, то непременно бы покраснел.

...Незаметно прошла неделя. Однажды я пошел к мусорному контейнеру, чтобы выбросить очистки, но на обычно пустынной палубе меня ждала толпа матросов во главе с Червивым.

– Ну что, живчик, – обратились они ко мне, обступая со всех сторон. – Как служится? Много знакомых букв нашел в уставе? Успел душой прикипеть к кораблю? Ну-ка, быстро: сколько турбин, сколько котлов на «Уроборосе»?

Дело в том, что мертвецам чужда злоба. Все плохое, что могло с нами случиться, уже случилось: мы умерли. Мы не чувствуем боль или страх. Мы не желаем причинять вред ближним. Хотя бы потому, что просто не видим в этом смысла.

В общем, не прошло и десяти минут, как я, под одобрительное гиканье и свист, уже отплясывал «яблочко» в кругу остальных матросов.

А потом мы с Червивым пошли на ют покурить. За кормой «Уробороса» бурлила вода. На волнах качался разнообразный мусор: от обломков деревянного рангоута потерпевших крушение кораблей до соломенных крыш разрушенных цунами хижин индонезийских мертвецов.

– Обглоданный, у тебя есть девушка? – спросил Червивый.

– Есть, – ответил я, улыбаясь.

– А что, она умерла? – Червивый прищурился и вставил папиросу в щербинку между передними зубами.

– Умерла! – радостно подтвердил я.

– Вот и славно! – Червивый хлопнул меня по плечу. – Война скоро закончится. Сыграете свадьбу. А мы погуляем!

– Это точно... – не стал возражать я.

Над мачтами «Уробороса» собирались серо-зеленые тучи, грозя радиоактивным ливнем. Пора было возвращаться на камбуз.

* * *

Вестовой снял с блюда никелированный колпак. Запах хорошо прожаренной печенки, украшенной листиками маринованной морской капусты, быстро распространился по командирской каюте. Красная икра горкой возвышалась над темно-коричневыми ломтиками, ее крупинки горели, будто крохотные топовые огни.

Контр-адмирал Гуго Шреер потыкал серебряной вилкой в кусок печенки, проверяя не пережарена ли. Спросил, обращаясь к старшему помощнику, который стоял навтыжку поодаль от стола:

– Как его звали, Ральф?

– Комендор Хаас, сэр!

– Хороший матрос был?

– Отменный, сэр!

– Что с ним случилось?

– Во время прошлого налета оторвало правую ногу, сэр!

– Вечная память герою, – пробормотал Шреер, разрезая кусок на аккуратные кубики.

Он прожевал мясо, жмурясь от удовольствия, потом подцепил на кончик ножа стебелек морской капусты с несколькими бусинками икры и строго воззрился на старпома.

– Надеюсь, Ральф, – сказал контр-адмирал, – вся команда получила возможность помянуть комендора Хааса?

– Так точно, сэр! – отчеканил старший помощник. – Комендор Хаас навсегда останется в наших сердцах!

Шреер усмехнулся и пробормотал:

– Так уж и в сердцах...

Старший помощник командира форта «Непотопляемый» лейтенант Ральф Боос преданно ел начальство глазами. Случись такая оказия, он ел бы этого напыщенного болвана не только глазами, но старая морская гнида отсиживалась во время налетов и обстрелов в командирском бункере, под двадцатиметровой бетонной толщей. Это простые морячки да младшие офицеры калечились и гибли под бомбами и снарядами, что сыпались на Бетон-

ный Линкор – так неофициально называли форт «Непотопляемый» его защитники – со всех сторон. Мертвяки не знали ни усталости, ни пощады. Да, техника у них была устаревшая. Все эти допотопные линейные корабли, эсминцы, крейсера и авианосцы, с которых стартовали винтовые «Корсары», были музейной рухлядью, если сравнивать с оснащением «Непотопляемого». Снаряды, начиненные пироксилином, аналоговое управление стрельбой, примитивные локаторы мертвяков – против скорострельных пушечных турелей, автоматических зенитных комплексов, систем радиоэлектронной борьбы и компьютеров людей, крепко засевших в недрах железобетонного острова: в другие времена это показалось бы смешным, но не сейчас. Потому что мертвяков бесчисленное множество, а людей лишь горстка. И горстка эта непрерывно тает. И в немалой степени – благодаря бездарному командованию Гуго Шреера. Контр-адмирал был еще старой, натовской закваски. Такие, как он, проиграли Третью мировую войну, но не заметили этого, продолжая делать вид, что по-прежнему контролируют ситуацию в мире, на самом деле – давно уже захваченном мертвяками.

«Ну, ничего, придет день, – думал Боос, провожая взглядом очередной кусок матросской печенки, исчезающий в ненасытной пасти контр-адмирала, – и ты тоже останешься не только в наших сердцах...»

Опустошив блюдо, Шреер нетерпеливо щелкнул пальцами, и вестовой наполнил бокал вином. Отпив изрядный глоток, контр-адмирал уставился осоловевшим взглядом на старшего помощника.

– Э-э... любезный, – пробормотал Шреер. – Можешь идти... Через час – сбор в штабе всего командного состава.

– Слушаюсь, сэр!

Боос отковырял, щелкнул каблуками и покинул контр-адмиральскую каюту. Быстрым шагом миновал примыкавший к каюте командирский офис, стараясь не глядеть на бледное личико мичмана Йолинк. Не отрывая наманикюренных пальчиков от клавиатуры, Хелен алчно посмотрела вслед лейтенанту Боосу, мысленно срывая с него китель и безупречно выглаженные брюки. Мичман Хелен Йолинк была единственной женщиной на борту «Непотопляемого» и желала добраться до всех мужчин форта, но связываться с ней боялись. Никому, ради сиюминутного удовлетворения похоти, не хотелось вне очереди оказаться на столе контр-адмирала.

За пределами командирских апартаментов с коврами, панелями из мореного дуба и хрустальными лампами тянулись узкие, редко освещенные коридоры с серыми шершавыми стенами. Где-то капала вода. Палуба подрагивала, будто Бетонный Линкор шел на полном ходу, рассекая радиоактивные воды Южно-Китайского моря. На самом деле – это работали паровые турбины атомной электростанции, снабжавшей форт энергией и пресной водой. Если бы не реактор, гарнизон «Непотопляемого» ни за что бы не продержался так долго. Боеприпаса было в избытке. Пищи, благодаря своевременным поправкам в Морской Устав, которые сделал контр-адмирал Шреер, тоже пока хватало. А вот не будь пресной воды и энергии, Бетонный Линкор давно бы стал еще одним форпостом мертвяков.

Громыхая каблуками по металлическим ступеням винтовой лестницы, Боос поднялся в верхние отсеки. Здесь располагался матросский кубрик. Старпом слышал негромкие голоса и невольно замедлил шаг, наострив уши.

– ...поедом жрут... А мертвяки, говорят, человечинной брезгуют!

– Потихе ты, Кривой... За античеловеческую пропаганду сам знаешь, что бывает!

– Знаю... но ты ведь не продашь старого друга, Фелих?

– Я и говорю – тихе... Как это – брезгуют? Они же эти... зомби, они же без человечины жить не могут...

– Мы – тоже... А вот эти твои зомби, говорят, специально человечины избегают... Они от нее тупеют, ни на что не способны делаются, кроме того, что бы жрать...

– Ну, правильно... ну, вот и надо давить их, гадов, пока силы есть...

– Эхе-хе, дурак ты, братец... Мертвякам-то что? Они уже мертвы, а потому смерти не боятся... Да и че им бояться, если они и после смерти, почитай, живут... Не то, что мы...

– А что – мы?

– А мы, Фелих, живем, пока нас не съедят, смекаешь?

– Ну?

– Портянки мну... Съеденные к новой жизни не возрождаются. Вот и думай!

С минуту лейтенант Боос размышлял, как поступить. Строго говоря, за такие разговоры матросиков следовало бы упрятать на цугундер. Распространение панических слухов, посев сомнения в боевом духе и огневой мощи форта и превознесение боевого духа и огневой мощи противника наказывались довольно мягко. Из паникеров формировали особую команду, в задачу которой входила очистка верхней палубы Бетонного Линкора от зажигаемых снарядов непосредственно во время боя. Редко кто из палубной команды оставался после налета живым и невредимым, а для калеки, как и для убитого, на «Непотопляемом» один путь – на камбуз.

«Дьявол с ними, – подумал лейтенант, – пусть живут пока...»

И он свернул в другой коридор. Ему вдруг захотелось на вольный воздух.

Дежурные в шлюзовом тамбуре помогли старшему помощнику натянуть комбинезон химзащиты, подогнали противогаз. По инструкции, старшего офицера во время выхода на верхнюю палубу полагалось сопровождать, но Боос приказал оставить его одного. Матросы не возражали. С грохотом захлопнулся освинцованный внутренний люк, заскрежетали засовы. Лейтенант оглянулся. Матрос показал ему сквозь мутный иллюминатор большой палец. Боос кивнул, взялся за штурвал внешнего люка. В шлюз ворвался морской ветер, пропитанный солью и актиноидами, но плотная металлизированная резина не позволила ощутить его сомнительную свежесть. Лейтенант переступил через комингс и оказался на обширном бетонном поле, изрытом воронками, будто Луна – кратерами.

«Непотопляемый» резал высоким каменным форштевнем свинцово-серые волны взбаламученного океана. Низкие тучи летели над ним, создавая иллюзию движения. Бетонный Линкор и впрямь двигался. Вместе с континентальным шельфом он за год покрывал расстояние примерно в сантиметр. Но этой скорости было недостаточно, чтобы уйти от рыскающих повсюду флотилий мертвяков. Впрочем, мертвых моряков и островной форт объединяло одно – они были практически вечны и могли никуда не спешить. В отличие от экипажа «Непотопляемого» – последней надежды человечества.

Чувствуя тоску и одиночество, лейтенант Ральф Боос побрел наугад, расплескивая массивными башмаками скопившуюся в воронках и выбоинах воду. Вдоль периметра возвышались капониры автоматических зениток. На юте крутились локаторы дальнего обнаружения, которые во время боя втягивались под броневые колпаки. На баке торчала наспех сооруженная вышка, которую матросы именовали по старой привычке «марсом». На «марсе» маялся наблюдатель, озирающий горизонт. Округлые проплешины, которые глазу непосвященного было не отличить от остальной поверхности, скрывали ракетные шахты. Контр-адмирал берёг ракеты для последнего решающего сражения. Пока что в бою обходились зенитками для защиты с воздуха и скорострельными 100-миллиметровыми орудиями для поражения надводных целей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.